

АНТОН НЕЧЕХОВ

ЗА ПРЕДЕЛОМ ДОПУСКА

НЕШТАТНЫЙ КУРСАНТ

КНИГА ПЕРВАЯ

АНТОН Нечехов

Нештатный курсант

«Автор»

2026

Нечехов А.

Нештатный курсант / А. Нечехов — «Автор», 2026

Чтобы поступить во флотское училище без денег и влиятельной фамилии, Ортвину Нечаеву нужны три тысячи часов в открытом космосе. Четыре года он разбирает мёртвые станции и считает каждую минуту стажа. Ещё несколько сотен часов — и можно подавать документы. Ортвин рассчитывает на обычную смену и ещё несколько часов в зачёт. Но в глубине станции, заброшенной пятьсот лет назад, всё ещё работает генератор. Что он питает все эти годы?

© Нечехов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Одна оболочка	5
Глава 2. Вне строя	22
Глава 3. Двести девяносто девять часов	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Антон Нечехов

Нештатный курсант

Глава 1. Одна оболочка

— Сближение, — произнёс Севка с пилотского места. — Двадцать метров.

Объект уже занимал половину экрана репитера в шлюзе. «Двойка» давно погасила маршевую тягу и подбиралась к нему на манёвровых. Строка в левом нижнем углу забрала застыла на нуле: ноль часов, ноль минут.

Со счётчиком всё правильно. Пока внешняя створка шлюза закрыта, выхода в открытый вакуум нет, а без выхода нет и стажа. Можно провести в костюме всю смену, протиснуться через три шлюза, отработать до судорог в пальцах — и не получить ни минуты. Во Флотском училище дальней разведки засчитывают только то время, когда между тобой и пустотой остаётся одна оболочка.

«Двойка» развернулась кормой к объекту. Пол надавил на подошвы, отпустил и снова надавил. Я придержал инструментальный блок, хотя он висел на двух карабинах и петле. Дрозд напротив сделал то же самое, даже не глядя. Палыч, зажатый между нами у внутренней переборки шлюза, так и не поднял головы от планшета.

Нас шло трое. Остальные из группы ушли на «тройке» к дальнему концу хребта: объект был длинный, и работать на нём звеньями выходило быстрее, чем ползти по нему всем скопом.

На экране медленно ползла обшивка.

Издали «Гребёнка» выглядела почти целой — длинный хребет с обломанными антенными фермами. В бумагах компании она числилась объектом РД-114/12, базой снабжения третьего пояса. Вблизи стали видны вспученные листы и разошедшиеся стыки. Один из внешних модулей переломило посередине, он держался на балках, согнутых так, будто железо успело размякнуть.

— Десять метров, — сообщил Севка. — Есть куда встать.

— Покажи. — Палыч опустил планшет, освобождая себе обзор.

На изображении появилась метка у сервисного разрыва. Под смятой обшивкой тянулось открытое силовое ребро. Листы вокруг него разошлись, но само ребро было целым.

— Первую лапу поставлю сюда, вторую — дальше по ребру, — пояснил Севка. — Для третьей места нет.

— На двух удержишься? — Палыч приблизил изображение.

— Проверю тягой. Если ребро не пойдёт — удержусь.

— Есть место надёжнее, или это всё? Если обходить — сколько потеряем?

— По схеме за разрывом должна быть ферма. — Севка отвёл метку к кормовой части объекта. — Но её отсюда не видно, придётся обходить. Минут тридцать потеряем.

Я посмотрел на строку в углу забрала. Ноль часов. Ноль минут.

Полчаса мы просидим в костюмах в нескольких метрах от вакуума, а счётчик не запишет ни минуты.

Палыч наклонился ко мне, заглядывая под забрало.

— Нечаев, не смотри на ноль так, будто он тебе деньги занял.

— Деньги иногда возвращают.

— Эти полчаса тебе для поступления нужны?

— Нужны, — ответил я.

Три тысячи часов — порог для тех, кто идёт в училище без денег и без фамилии. У меня было две тысячи шестьсот с небольшим. До следующего набора оставался примерно год. За

это время я должен был добрать стаж, если не сорвётся график и меня не спишут по здоровью. Четыре года я уже отработал. Ещё один я бы вытерпел.

— Полчаса ты за смену доберёшь, — продолжил Палыч. — А сорвётся лапа под нагрузкой — выхода не будет вообще, ни через полчаса, ни через смену. Мне ты после выхода нужен. Целиком.

Севка увеличил изображение ребра. Я свернул счётчик.

— Ладно, ставь здесь. — Палыч вернулся к первой метке. — Две лапы, потом пробная нагрузка. Не держит — сразу отходишь.

— Принял, — ответил Севка.

— Орт, не дёргайся. — Дрозд встал у меня за спиной.

— Стою как столб.

— Ты всегда так говоришь перед тем, как дёрнуться.

Он дважды потянул ранец, проверяя, сел ли тот в крепления, затем провёл рукой вдоль шланга подачи — от затылка до соединения с костюмом.

— Ранец держит. Шланг. Верхний замок...

Дрозд надавил на защёлку у моего плеча. Та сухо щёлкнула.

— Теперь держит.

Он повернулся ко мне спиной. Я повторил всё по порядку: крепления ранца, шланг, защёлки на воротах. Потом хлопнул ладонью по аптечке у него на бедре.

— Плomba целая.

— Утром проверял, — сказал Дрозд.

— А мой верхний замок?

Он покосился на защёлку, которую только что дожал у меня на плече.

— Понял, проверяй дальше.

Мы делали это перед каждым выходом. Снаряжение спереди ещё можно было проверить самому. Спину приходилось доверять человеку рядом.

Пол толкнул меня в подошвы. Удар прошёл по корпусу, отдался в спине и постепенно стих. За бортом звука не было, а внутри шлюза металл ещё несколько секунд потрескивал, принимая нагрузку.

— Касание, — сообщил Севка. — Первая лапа встала.

Корпус ещё раз толкнуло: вторая лапа встала дальше по ребру.

Севка коротко включил боковые двигатели, оттягивая «Двойку» от объекта. Посадочные лапы приняли нагрузку. Ребро выдержало. Только смятый край обшивки рядом медленно отогнулся в сторону.

— Обе держат. — Севка убрал тягу. — Проверка пройдена.

Палыч ещё секунду смотрел на экран, затем убрал планшет в нагрудный карман. На внутренней стороне забрала вспыхнула надпись:

ГОТОВНОСТЬ К РАЗГЕРМЕТИЗАЦИИ.

Дальше система вывела проверочный контур, который я знал наизусть, — и всё равно я проходил его пункт за пунктом, проговаривая каждый про себя. Тот, кто пробегает его глазами, однажды обнаруживает, что пропустил строку.

Давление костюма. Подача. Удаление углекислоты. Температура. Батарея. Связь. Ранец. Герметичность соединений. Зелёные отметки выстроились одна под другой.

Последним появился расчёт остатка кислорода. Полного баллона хватало на десять часов обычного дыхания и часов на семь при нагрузке. Автоматика закладывала расход на работу, возвращение и задержку у шлюза, но я всё равно пересчитал сам: она не знала, сколько лишних минут Палыч разрешит провести внутри, если улов пойдёт хороший.

Внутренняя дверь сомкнулась. Насосы начали выбирать воздух.

На «Кряже» разгерметизацию чувствуешь всем телом: дрожат переборки, гудят трубы, свистит в старых уплотнениях. «Двойка» была меньше и новее — здесь воздух уходил почти без звука. Ткань под панцирем натянулась, перчатки затвердели, и собственное дыхание стало громче всего остального.

— Давление ноль, — произнёс Севка. — Открываю створку.

Внешняя створка отошла от рамы и поползла в сторону. За ней не было ни пола, ни стен — ни верха, ни низа.

— Нечаев, первым! — приказал Палыч.

Первые секунды снаружи уходили на дыхание. После шлюза я всякий раз дышал чаще, чем нужно, и приходилось себя останавливать. Потом — показания. Потом — правая рука на скобу, левая на страховку, носок ботинка за край.

На забрале мигнуло:

ОТКРЫТАЯ СРЕДА.

Следом ожила пользовательская метка:

СТАЖ — 00:00.

Я оттолкнулся от шлюза, погасил движение, ухватившись за поручень, пристегнул основной карабин к внешней струне и только после этого позволил себе посмотреть по сторонам.

Снаружи всегда было легче.

На носителе сорок человек живут в одном воздухе, даже когда сидят в разных отсеках. Кто-то кашляет за переборкой, кто-то спорит у раздатчика, кто-то идёт навстречу по коридору — и ты вжимаешься плечом в стену, чтобы разойтись. Роба пахнет камбузом, железом и чужим потом. Ночью через каркас койки чувствуешь, как сосед переворачивается во сне. Здесь были только три голоса в канале и пустота, которой от меня ничего не требовалось.

Дрозд вышел следом, поймал поручень, пристегнулся и показал большой палец. Палыч появился последним.

— Контроль креплений.

Я потянул основной карабин, потом резервный. Проверил защёлки на инструментальном блоке. Дрозд повторил за мной. Часы уже шли, но спешить с первым креплением — самый дорогой способ их набирать.

Прожектор «Двойки» бил вдоль обшивки, выхватывая смятое ребро, слои теплоизоляции и длинную трещину, уходившую под корабль. Всё остальное тонуло в чёрном. Свет лишь показывал, как много мы не видим.

Справа на звёздном поле висела светлая точка. Она точно совпала с царапиной на забрале, и на миг показалось, что стекло треснуло. Я моргнул. Точка осталась, а царапина ушла в сторону вместе с головой. Так бывало почти при каждом выходе. Забрало давно пора было менять, но оно не мешало работе, а всё, что не мешало работе, у нас считалось исправным.

— Нечаев, — позвал Палыч. — Уснул?

— Иду.

Мы двинулись вдоль борта: Палыч — первым, я — за ним, Дрозд — последним, с катушкой. Палыч перестёгивал карабин через каждые несколько скоб и всякий раз проверял опору рукой, прежде чем подтянуться дальше. У второй посадочной лапы корабельная струна кончалась. Дальше начинался объект.

Палыч закрепил на ребре первую ходовую точку, затянул петлю и дважды дёрнул.

— Севка, контроль группы.

— Три костюма в контуре, — ответил пилот после паузы. — Телеметрия чистая, связь без помех.

— Отмечай вход. — Палыч пристегнул карабин к линии.

— Отметил, — ответил Севка. — Рабочее время группы пошло.

— Двигаемся. — Палыч первым подтянулся к пробоине.

В свете фонаря металл казался чистым, но стоило провести по нему ладонью, как с него сорвалось облако серой пыли. Частицы разлетелись вокруг, несколько щёлкнули по забралу и уплыли в сторону. Ни краски, ни маркировки на ребре не осталось — только голый металл да полосы старого нагрева.

Дальше мы пошли на магнитах. Вблизи объект уже не казался большим. Листы, стыки, крепёж — всё то же, что на любой живой конструкции, только давно брошенное.

За смятым участком открылся сервисный разрыв. Когда-то тут стоял переходный модуль или внешний отсек. Теперь на его месте зияла дыра. Края корпуса разошлись наружу тонкими лепестками, внутренние переборки рассекло и смяло, и между ними вглубь уходил неровный проход. Из кромки торчали оборванные трубы. Одна медленно колебалась. Толчок от «Двойки» прошёл через лапы по корпусу и раскачал её.

— Линию! — приказал Палыч.

Дрозд закрепил катушку у входа. Я придержал его за ранец, пока он затягивал узел.

Дрозд установил рядом вторую катушку и подёргал оба троса. Палыч проверил натяжение.

— Нечаев, контроль среды, — сказал Палыч.

Я вывел показания внешнего датчика на забрало.

— Вакуум. Следов газа нет. Тепловой фон ровный, локального нагрева датчик не показывает.

— Принял, — ответил Палыч. — Захожу.

Он подтянулся на линии и протиснулся между краями пробойны. Свет его фонаря скользнул по кабелям, сорванной панели и мелким обломкам, висевшим в проходе, — и пропал за ранцем.

— Чисто. По одному. Нечаев.

Я взялся за загнутый край. Снаружи металл выглядел тупым, но с внутренней стороны на нём сохранилась рваная кромка. Я переставил руку выше, прежде чем подтянуться. Инструментальный блок задел обшивку. Удар через крепления отдался в груди. Снаружи его бы никто не услышал.

Пробойна осталась за спиной. Свет «Двойки» ещё доставал сюда, но быстро слабел. Дальше работали только фонари.

Когда-то это был технический проход: по одной стороне — закрытые короба, по другой — трубопроводы в остатках изоляции. Поперёк прохода застрял сорванный лист переборки, выгнутый и вдавленный в потолочные фермы. Между его краем и стеной оставался узкий лаз, через который уже прошёл Палыч.

В лучах фонарей плавал мусор: куски обшивки, обрывки изоляции, крепёж, мелкие шарики застывшего металла. Всё это висело неподвижно, пока я не задел ближайшее облако ногой.

Я прикрыл забрало предплечьем. Частицы несколько раз щёлкнули по панцирю.

— Не маши! — одёрнул Палыч.

Я дождался, пока частицы разойдутся, протянул линию через проход и полез в лаз. Между ранцем и краями лаза с обеих сторон оставалось по паре сантиметров. В невесомости сила не помогает пролезть: от лишнего усилия тело только разворачивает поперёк. На середине линия зацепилась за отогнутый крепёж и натянулась. Если бы я рванул, острый край начал бы перетирать оболочку.

— Стою, — сказал я.

Дрозд остановился позади меня. Я вернулся на несколько сантиметров, снял натяжение, поддел зацепившуюся линию пальцами и аккуратно высвободил её.

— Чисто. Иду.

— Не торопитесь, — произнёс Палыч по общему каналу. — По одному, я смотрю.

По его отмашке я вышел из лаза. За перегородкой проход расширялся. Палыч ждал у стены, пристегнувшись к силовой скобе. Луч его фонаря терялся в темноте уже через несколько метров.

Пыль, которую мы подняли, расходилась по проходу. Здесь не было потока воздуха, способного её унести, и она ещё долго будет мешать на обратном пути. Я перевёл фонарь чуть в сторону от глаз Дрозда.

Дрозд выбрался последним, закрепил линию на внутренней скобе и установил у входа световой указатель. Маленький белый огонёк обозначил обратную дорогу. Палыч проверил крепление.

— Ещё один после поворота. Дальше разойдёмся. — Палыч взглянул на таймер. — Через шесть часов «Двойка» должна уйти на «Кряж». К пятому часу разворачиваемся, где бы ни были. Я предупреждать второй раз не стану.

Я поймал глазами строку в углу забрала: 00:09. Девять минут. Снаружи или внутри — счётчику всё равно. Вокруг оставался открытый вакуум, а между ним и мной по-прежнему была лишь одна оболочка. Каждая минута здесь шла в зачёт.

— Нечаев, свет вперёд! — напомнил Палыч.

Я поднял голову. Три луча легли вдоль мёртвого коридора и высветили смятые короба, вскрытые трубопроводы и следующий тёмный проём. За спиной ещё виднелся огонёк у пробоины.

Я взялся за скобу и пошёл первым.

Первый поворот вывел в узел, где технический проход расходился на три рукава. Два оказались завалены: в одном стену вдавило внутрь вместе с трубами, второй обрывался через несколько метров у чёрного среза корпуса. Третий уходил к середине объекта и выглядел почти целым.

На переборке ещё держалась схема. Краска выцвела, половину табличек содрало, но толстая линия топливного контура читалась. Она шла в ту же сторону.

— Палыч, по маркировке впереди раздаточный узел. — Я подсветил её фонарём. — Если магистраль не порвало, там будет точка подключения.

Палыч подтянулся к схеме, сверил её со своим планшетом.

— На плане узел есть. После него — резервный сектор. Идём по правому рукаву. Дрозд, второй огонь оставь здесь.

Дрозд оставил второй указатель у развилки. Теперь обратную дорогу отмечали два белых огня и линия между ними.

Правый рукав оказался уже. По обеим стенам тянулись трубы, связанные в жгуты. Часть лопнула и раскрылась рваными краями, часть уцелела. Я шёл вдоль них, проводя датчиком по стыкам. На большинстве линий датчик показывал одно и то же: металл, пыль, пустота.

У третьего колена индикатор дрогнул. Я вернул датчик назад, провёл медленнее. Система вывела на забрало маркировку серии «Т», настолько старую, что автоматика сначала предложила два варианта и только потом оставила один.

— Есть топливная линия, — сообщил я по общему каналу. — Одиннадцатая серия. Оболочка целая.

— Остаток видишь? — Палыч остановился у меня за плечом.

— Нет. До коллектора не добирает.

— Значит, доберёмся сами.

Он не сказал «нашли». Пока топливо не пошло по нашему шлангу, это ещё не находка. Только повод испачкать костюмы.

Коллектор был за сервисной панелью в конце рукава. Панель повело, один край ушёл под раму. Я завёл носок под поперечину, вторым ботинком упёрся в раму и поддел край монтажной лапкой. Металл не сдвинулся.

Дрозд пристегнулся к противоположной скобе и взялся за второй край.

— На счёт три? — спросил он по местному каналу пары.

— Давай.

Мы потянули. Панель сразу вышла из рамы, развернулась между нами и повела за собой мою руку. Дрозд перехватил её за край и пристегнул к стене.

— Вот и я пригодился, — заметил он, проверяя стропу.

Под панелью открылся коллектор: четыре линии, два обломанных штуцера и один целый, закрытый механической заглушкой. Маркировка на нём совпадала с той, что дал датчик.

Я очистил разъём щёткой и осмотрел уплотнение.

— Рабочий, — доложил я. — Но сначала короткая прокачка. В линии могла остаться дрянь.

— Дрозд, тяни шланг. — Палыч уже смотрел на схему подключения. — Нечаев, ставь переходник. Севка, готовь приёмный контур, но не открывай до команды.

— Принял, — ответил Севка из «Двойки».

Дрозд развернулся к коридору и потянул за собой сложенный рукав. Шланг шёл от корабля через пробоину, тянулся вдоль страховочной линии и у каждой скобы норовил выбрать худшую сторону. В невесомости он ничего не весил, зато обладал характером: запоминал изгибы, цеплялся за всё острое и всегда тянул туда, куда человеку было не надо.

— Если там пусто, обратно я его не понесу, — заявил Дрозд по общему каналу, освобождая очередной виток.

— И куда его денешь? — спросил я, защёлкивая переходник.

— Здесь оставлю. Буду ждать, пока компания пришлёт человека, которому платят за обратную дорогу.

— Уже прислала. — Палыч придержал шланг у стыка. — Позывной «Дрозд». Жалобы принимает после смены.

— Я знал, что в этой работе есть подвох, — отозвался Дрозд.

Шутки кончились, когда Дрозд дотянул шланг. Он подал мне головку, я посадил её на переходник и затянул замки. Потом закрепил соединение отдельной стропой: если давлением вырвет старый штуцер из коллектора, шланг не начнёт молотить по отсеку вместе с куском трубы.

— Короткая прокачка. — Палыч проверил мою стропу рукой. — Все — в стороне.

Мы разошлись от соединения, оставив его в перекрестье трёх фонарей.

— Севка, открой на малый, — приказал Палыч.

— Открываю малый, — ответил пилот.

Шланг дрогнул. По нему прошла волна, распрямила один изгиб и дёрнула крепления. В прозрачном окне переходника сначала пронеслось тёмное облако, потом поток пошёл без рывков.

Показания анализатора поползли вверх.

— Тэшка подтверждена, — сказал я. — Примесь в допуске. Можно принимать.

Палыч не ответил сразу. Он смотрел на давление в линии и на старый коллектор. Стрелка стояла на месте, соединение не травило, крепления не ползли.

— Севка, полный рабочий.

— Принял. Приёмный контур открыт.

Шланг натянулся сильнее. Где-то далеко, за несколькими переборками и пустотой, насос «Двойки» начал забирать то, ради чего нас сюда привезли.

Через несколько секунд Севка снова вышел в канал:

— Поток есть. По первым показаниям — обычный остаток. Если не оборвётся, часа на два. Килограммов четыреста, надеюсь, накапает.

— То есть домой не пустыми, — бросил Дрозд.

— Домой не пустыми, — подтвердил Севка. — Сколько точно, скажу через час.

— Мне и четырёхсот хватит, — сказал Дрозд. — Я уже выбрал себе новую койку.

— Выберешь после того, как старую освободишь. — Палыч перевёл фонарь на следующий проход. — Линию оставляем, идём дальше. Дрозд, проверь крепления на первом повороте. Нечаев — со мной.

Это и был обычный хороший улов. Премий за такой не выдают, но свою часть расходов рейса он закрывает. Ради подобных остатков компания снова и снова отправляла нас в закрытые системы.

За моей спиной по шлангу шло топливо. Будь моим хотя бы объём между коллектором и первой скобой, мне хватило бы на несколько месяцев жизни. За смену я получал свои деньги, за квартал — премию, если к последнему дню оставался в строю. Эта арифметика была такой же частью работы, как диаметр переходника.

Я посмотрел на стаж: ноль часов сорок семь минут.

Вот это принадлежало мне.

Дальше топливная магистраль уходила под пол и снова появлялась через два отсека. Мы шли по ней. Один раз пришлось обойти разорванный участок через кабельный тоннель, один раз — снять с дороги целый лист внутренней обшивки. В двух сервисных нишах нашлись пустые ёмкости с открытыми клапанами. Топливо выкачали до гибели объекта или оно ушло через пробитые линии — для нас разницы не было.

На таких перегонах в канале всегда кто-нибудь заводился.

— У Кислого с одного бака пять тонн вышло, — заметил Дрозд, перестёгивая страховку. — Нам бы хоть половину.

— Три двести, — отозвался Палыч. — Я приёмку подписывал.

— Всё равно. Человек теперь магазин держит.

— Половину магазина. — Палыч обошёл лопнувший жгут труб. — Вторую жена. И если верить ему самому, без её половины первая бы давно закрылась.

— Что продаёт? — включился Севка.

— Обувь, — ответил Палыч.

— Одиннадцать лет ходить по железу, чтобы наконец людям ботинки подбирать, — заметил Дрозд. — Хотя я бы согласился.

Я провёл датчиком по следующему стыку. Пусто.

— Его бак отсечён был? — спросил я.

— Аварийной задвижкой, — ответил Палыч. — Тут всё, что могло вытечь, за пятьсот лет вытекло. Полным осталось запёртое. Найдёшь отсечку — будет о чём говорить. Только ставили их в глубине, где важнее, а не где нам удобнее.

Магистраль уходила туда же. Я убрал датчик и подтянулся за Палычем.

За вторым отсеком коридор упёрся в тяжёлую переборку. Дверь занимала всю ширину прохода, сидела в силовой раме и должна была отсекавать целый сектор. Аварийный привод был мёртв. Ручной маховик не двигался, даже когда Дрозд встал ногами в скобы и навалился обеими руками.

— Закрыто убедительно. — Он отпустил маховик.

— Нечаев, резак, — произнёс Палыч, осмотрев замок и петли.

Я отстегнул плазморез от инструментального блока. Почти каждый выход приходилось срезать им замки и заклинившие панели.

— Раму не трогай. — Палыч подсветил верхний замок. — Снимаем запоры, нижний оставляем последним. Дрозд берёт дверь на линию.

— Здесь металл повело. — Я провёл лучом фонаря по контуру и остановился на правой стороне. — Если снять оба правых запора сразу, её развернёт в проход.

— Тогда верхний справа, оба слева, нижний справа последним. — Палыч проследил за складкой на раме. — Петли держим.

— Принял.

Дрозд закрепил две стропы на ручках двери и увёл их к скобам за нашей спиной.

— Готов, — бросил он. — Если ты ошибёшься с направлением, дверь прилетит в тебя.

— Поэтому линию держишь ты.

— Вот теперь план мне нравится.

Я прижал опорную лапу резака к корпусу замка. Внутри инструмента поднялся короткий гул и отдался в кисть. Между соплом и металлом вытянулась узкая белая дуга.

Снаружи треска не было. Только рука чувствовала работу инструмента, а на забрале менялись температура сопла и расход рабочего газа. Дрозд развернул защитное полотно. Капли расплава ударялись в него, оставляя тёмные точки.

Первый замок сдался быстро. На втором я остановил рез: перекошенный металл держал на себе всю нагрузку двери. Я переставил стропу ниже, и Дрозд по моей команде подтянул её. Замок разгрузился.

Я закончил рез и взялся за третий замок. Дверь шевельнулась. Совсем немного — край ушёл от рамы на толщину перчатки. Дрозд сразу выбрал слабинку. Палыч следил за петлями и складкой металла вокруг них.

— Стоп! — скомандовал Палыч.

Я убрал дугу.

— Петли целые. — Палыч подался ближе, проверил зазор фонарём. — Продолжаем. Нижний справа.

Последний запор держался дольше остальных. Когда металл разошёлся, дверь не выстрелила. Она медленно пошла на петлях, натянула обе стропы и остановилась в полуметре от рамы.

За ней не было прохода.

Фонари упёрлись в завал. Галерея была забита поперечными плитами, трубопроводами и раздавленными шкафами. Всё это уходило вглубь плотной массой. Внизу не было даже щели, куда можно просунуть руку.

Дрозд подвязал дверь, чтобы она не вернулась в раму. Я погасил резак и поднял фонарь.

Над верхней плитой оставался узкий просвет — достаточный, чтобы пролезть, если убрать две поперечины. Только обе они держали верхнюю балку и смятый потолок над ней.

Палыч медленно провёл лучом по завалу — сначала слева направо, потом снизу вверх.

— Не режем, — решил он. — Снимем нагрузку с балки, завал сдвинется. Что после этого останется от прохода, не угадаешь.

Я проверил правый край. Там зажатые трубы доходили до самой стены, не оставляя даже щели для страховочной линии.

— Справа не обойти, — сказал я.

— Севка, привяжи нас к схеме. — Палыч вывел на забрало план объекта. — Что тут за завалом?

— Грузовая галерея, — ответил пилот. — Дальше по ней резервный сектор.

— Другой путь туда есть?

Севка отозвался не сразу, видно, сверял старую схему с нашими метками:

— Сверху шёл технический коридор, но его внешний участок снесло. Слева есть шахта обслуживания, только вход в неё ярусом ниже. С вашей стороны прохода к ней на схеме нет.

— Значит, здесь не пройти и отсюда не обойти. — Палыч ещё раз осветил завал. — Фиксируй отказ.

— Зафиксировал, — ответил Севка.

Работа на этом участке закончилась. Ещё одна смена: пробоина, несколько пустых ёмкостей, один обычный остаток и дверь, за которой оказался тупик.

— Снимаем инструмент. — Палыч развернулся к выходу. — Проверяем линию и назад.

Дрозд начал выбирать стропы с двери. Я убрал резак в крепление и потянулся к защитному полотну.

На краю забрала мигнул температурный маркер. Сначала я решил, что датчик поймал разогретый замок. После реза дверь светилась на тепловой схеме белыми пятнами у разрезов и жёлтыми по раме. Но отметка стояла ниже, почти у пола, за порогом. Там проходил закрытый короб силовой магистрали. До него от ближайшего реза было больше метра.

Я перевёл датчик в точечный режим. Короб был теплее стены на три градуса. Я проверил соседнюю точку, вернулся к первой. Разница сохранялась.

— Палыч, задержись, — позвал я.

Дрозд перестал сматывать стропу. Палыч вернулся к порогу.

— Что там? — Он подвёл свой фонарь к моему.

Я передал ему отметку. Пока он смотрел, разница уменьшилась на полградуса.

— После реза проверял?

— Только заметил. От замков далеко.

— Мы здесь резали. — Дрозд осветил край двери. — Металл мог протянуть тепло по стене.

— Мог, — согласился я. — Только короб уходит в другую сторону.

— Севка, останови откачку! — приказал Палыч.

— Закрываю приёмный.

Почти минуту мы следили за отметкой. Короб медленно остывал. Остановка насоса ничего не изменила.

— Возвращаю поток, — предупредил Севка.

— Может, тепло от рамы, — произнёс Палыч. — Может, живое питание. По этой точке не отличишь.

— За завалом проверить бы, — предложил я.

— Есть проход?

Я ещё раз осветил сплюсненные шкафы.

— Оставляем в отчёте. — Палыч поставил на схеме отметку. — Из-за трёх градусов потолок на себя снимать не будем.

Он оттолкнулся от порога и вернулся к раздаточному узлу.

Смена на этом не кончалась. Крупные баки и магистрали находили первыми, потом начинался вторичный поиск — ниши, сервисные шкафы, съёмные ёмкости, всё, что могли бросить при эвакуации или спрятать ремонтники. Иногда забытая канистра оказывалась единственным, что удавалось вынести из целого отсека.

До начала обратного пути оставалось больше часа.

— Дрозд, правый ряд. — Палыч открыл схему ближайших помещений. — Шкафы, подпольные ниши, всё, что снимается руками. Нечаев, проверь левую сторону до поворота. Я закончу с коллектором и пойду следом. Дальше соседнего отсека по одному не уходить.

— Если найду личный запас начальника базы, делим по должностям? — Дрозд повесил катушку на ранец.

— Конечно, — ответил Палыч. — Мне всё, вам служебная благодарность.

Дрозд ушёл к правой стене. Я уже развернулся в другую сторону, когда вспомнил закрытый люк перед последним поворотом. На крышке оставалась маркировка вентиляции. Раньше он нас не интересовал: нам нужна была топливная магистраль, а не воздухопровод на объекте, где пятьсот лет не было воздуха.

Теперь основной коридор заканчивался завалом. Если шахта сохранилась, мы получим путь к отсечённому запасу. И повод задержаться до самого окна отхода. О втором я говорить не собирался.

— Севка, покажи вентиляцию перед раздаточным узлом. — Я вывел на забрало старый план.

Поверх плана легли тонкие линии служебного контура. Одна шахта уходила к нижнему ярусу и поворачивала в сторону резервного сектора.

— Вижу, — отозвался Севка. — Если схема совпадает с тем, что осталось от объекта, шахта выходит за завалом.

— Нечаев, — вмешался Палыч.

— Здесь был сервисный люк. Можно проверить, сохранился ли проход к нижнему ярусу.

— Это вентиляция, — возразил Палыч. — В скафандре не пройдёшь. Застрянешь ранцем на первой раме, и вытаскивать тебя оттуда нечем.

— Обслуживающая шахта. Если рама не смялась, войду. Надо крышку снять и посмотреть.

— Зачем тебе нижний ярус? — Палыч приблизил участок схемы.

— Там второй вход в резервный сектор. Если он цел, получим обход завала. Если нет — проверим саму шахту и вернёмся к поиску мелочи.

— А если её сложило после первого поворота?

— Увижу зондом. Дальше проверенного участка не полезу.

Палыч молчал. Мы сюда и прилетели искать то, до чего другие не добрались. Но один торчащий обломок в такой шахте можно не заметить до самого касания.

— Дрозд, заканчивай правую стену и иди с ним, — распорядился Палыч. — Останешься у люка. Я продолжаю здесь.

— Принял, — ответил Дрозд.

— Сначала камера! — Палыч перевёл канал на меня. — Потом показываешь шахту мне, и внутрь лезешь только после команды. Страховка на Дрозде, он от люка не отходит. Пропала связь или телеметрия — назад, и я не спрашиваю, сколько там до крышки оставалось. Нижний люк не открывать. Увидишь повреждение, которое нельзя обойти, — разворачиваешься без обсуждений. Мне ты после выхода нужен целиком, я это уже говорил.

— Принял.

Мы с Дроздом вернулись к сервисному люку. Он прятался за двумя лопнувшими трубами и с первого взгляда казался частью стены: прямоугольная крышка, четыре утопленных замка, под серым налётом — остаток синей полосы.

Я стёр пыль с маркировки:

ВТОРОЙ ВЕНТИЛЯЦИОННЫЙ КОНТУР.

ДВУСТОРОННЕЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ.

Дрозд поставил ходовую точку на трубе рядом с рамой и проверил крепление.

— Замки живые? — Дрозд придержал линию, давая мне подобраться к крышке.

Я попробовал верхний, затем боковой.

— Закисли. Придётся лапкой.

Дрозд осветил второй край крышки. Я поддел верхний замок лапкой. Металл сопротивлялся, затем подался. Второй и третий открылись легче. Дрозд придержал крышку, пока я освобождал последний. Из щели вылетела серая пыль.

Дрозд поймал крышку стропой и отвёл к стене. За ней начиналась прямоугольная шахта. Она была шире моих плеч примерно на ладонь и ненамного выше ранца. Войти можно. Развернуться внутри — уже вряд ли.

Я толкнул зонд в проём. Свет скользнул по гладким стенкам, выхватил первую усиливающую раму и исчез за поворотом. В ближайшей секции ничего не торчало. Дальше камера видела только часть шахты.

— Палыч, люк открыт, — доложил я. — Первая секция целая. Шахта уходит вниз и поворачивает.

— Изображение получил. Веди камеру дальше.

Я протолкнул зонд за первую раму. На одном из стыков металл разошёлся, но края отогнуло в стороны, в толщину стены. Пройти можно было, если не прижиматься ранцем. За повреждённым стыком шла ещё одна целая секция и плавный изгиб.

— До нижнего яруса около одиннадцати метров. — Севка наложил на изображение старую схему. — После поворота должна быть ещё одна сервисная крышка.

— «Должна»? — спросил Дрозд.

— Когда-то она там была, — ответил Севка. — Что от неё осталось сейчас, схема не покажет.

— Нечаев, доходишь до нижней крышки или до первого препятствия, — произнёс Палыч, просмотрев запись зонда ещё раз. — За крышку не лезешь. Остальное ты слышал.

— Принял.

Дрозд снял катушку с ранца, пропустил линию через ходовую точку и пристегнул конец к моей спинной петле.

Я выключил магниты на ботинках и вошёл в шахту головой вперёд. В невесомости здесь оказалось почти удобно. Не нужно было ползти на коленях, тащить за собой ранец и проталкивать тяжёлый костюм силой. Достаточно было перехватываться руками и изредка направлять себя коротким толчком.

Главное — не спешить.

Любой сорванный крепёж превращался в штырь. Любой загнутый край мог вспороть внешний слой костюма раньше, чем я почувствую касание. Поэтому одну руку я держал перед забралом, а второй направлял фонарь вдоль стенок, проверяя каждый стык до того, как протиснуться.

Первую раму я прошёл прямо. Перед разошедшимся швом остановился, развернул инструментальный блок к груди и медленно протянул себя мимо. Металл остался в нескольких сантиметрах от рукава.

— Первый участок прошёл, — доложил я.

— Наблюдаю, — сообщил Севка. — Телеметрия идёт.

За поворотом в голосе Севки появились короткие провалы.

— Связь хуже, — доложил я и остановился.

— Телеметрию вижу, — ответил он. — Открой ретрансляцию через Дрозда.

— Принял.

Я включил ретрансляцию через Дрозда. Севка ответил уже без провалов. До нижней крышки оставалось несколько метров; добравшись до неё, я показал Палычу привод.

— Проверь, — разрешил он. — Крышку пока не открывай.

Я закрепился за скобу, поддел пломбу и откинул колпачок. Проволока лопнула от первого движения. Ручка привода сдвинулась на четверть оборота и встала. Я надавил сильнее. Ничего.

Переставил руку, упёрся ботинком в стенку шахты и потянул ещё раз. Механизм подался. Рукоять коротко задрожала, будто где-то далеко внутри корпуса одна старая деталь наконец сдвинула другую.

На тепловой схеме выступила полоса вдоль рамы.

— Палыч, снова нагрев. Возле привода.

— Стой. Питание есть?

Я провёл тестером по корпусу. Наводка была, устойчивого показания не получалось.

— Не определяет.

— Приоткрой на ладонь, — произнёс Палыч после паузы. — Камеру вперёд. Сам за раму не выходи.

Я повернул ручку. Люк отошёл от уплотнения. Придерживая крышку, я протолкнул зонд в щель.

За ней лежал ещё один мёртвый ярус. Слева тянулись шкафы, справа — открытая кабельная галерея. Прямо напротив стоял широкий сервисный блок. Камера прошла вдоль пола, поднялась к потолку. Ни движения, ни заметного нагрева.

— Проход целый, — доложил я. — Шкафы закрывают левую сторону. Отсюда больше не увижу.

— На скобу у порога, — разрешил Палыч. — Дальше стой.

Я открыл люк, пропустил страховку через скобу у рамы и вытянулся из шахты. Включил магнит на левом ботинке, правый оставил свободным. До следующей скобы не хватало ладони. Я потянулся.

В правую голень ударило так, будто кто-то с другой стороны корпуса вбил в неё короткий стальной штырь. Нogu отбросило. Левый ботинок сорвало с пола, рука разжалась, и коридор развернулся вокруг меня.

Страховка сработала не сразу. Сначала я успел удариться плечом о край сервисного блока, потом линия натянулась на спинной петле и дёрнула меня назад. Меня развернуло ещё раз и прижало к боковой стенке за шкафом.

На забрале вспыхнул красный прямоугольник: НАРУШЕНИЕ ГЕРМЕТИЧНОСТИ. ПРАВАЯ НОГА. ПОТЕРЯ ДАВЛЕНИЯ.

Я схватился за скобу. Перчатка соскользнула. Со второй попытки удержался и включил магнит на правом ботинке — левый уже не подавал признаков жизни.

В темноте у шахты мелькнула белая вспышка. Из края стены брызнули искры. В металле появилась свежая вмятина, и от неё медленно разошлось облако блестящей крошки.

Стреляли из коридора. Нижний люк и путь обратно оставались на виду у стрелявшего.

— Дрозд, огонь из коридора! — бросил я по каналу пары. — Пробой костюма.

Голос получился сдавленным. Аварийная подача уже гнала воздух прямо в шлем, но общее давление костюма продолжало падать.

В ответ — тишина.

Я переключился на общий канал:

— Палыч, по мне стреляют. Костюм пробит. Я за укрытием.

Никто не ответил.

Уши болезненно заложило. Костюм начал терять жёсткость, ткань обмякла на сгибах. Вокруг правой голени дрожал белый туман — воздух вырывался через отверстие и тут же рассеивался в пустоте. Индикатор давления падал быстрее, чем автоматика успевала пересчитывать остаток.

Сначала перестать летать. Потом перестать травить. Потом всё остальное.

Я подтянулся к сервисному шкафу и закрепил грудной карабин за нижнюю скобу. Проверил, что металл полностью закрывает меня от коридора. Только после этого осмотрел рану.

Пробоину выдавала струя. Воздух бил из отверстия чуть ниже колена, с наружной стороны голени. Края ткани выгнуло наружу. Второго отверстия датчики не показывали.

Одна дырка. Уже неплохо.

Я активировал изоляцию правой ноги. Кольцо под тазовым поясом сжалось, отделяя повреждённую секцию от остального костюма. Падение давления замедлилось. Ткань на груди и руках снова начала твердеть, дышалось легче.

Нogu стиснуло сильнее. Боль из резкой перешла в тупую, тяжёлую.

На забрале появилась строка: КРОВОПОТЕРЯ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНА. КОМПРЕССИЯ РЕКОМЕНДОВАНА.

Аптечка висела на левом бедре. Я сорвал пломбу, и та уплыла к плечу. Раскрыл наружный карман и достал аварийную пластину. Пальцы в перчатках дрожали. Я прижал большой палец к указательному, дождался, когда дрожь утихнет, и только потом снял защитный слой. Плёнка полетела вслед за пломбой.

Из коридора снова вспыхнуло. Удар пришёлся в верхний угол шкафа. Металл перед лицом едва заметно прогнулся.

Я опустил ниже. Платину нужно было поставить точно с первого раза — клей не держал повторных попыток.

Я вывел на забрало изображение камеры, совместил отверстие с центром метки и прижал пластину к наружной стороне голени. Клей схватился по краям. Я продавил середину.

Герметик заполнил пробоину.

Держал пять секунд. Десять.

В отсечённой секции давление пока не росло. Зато края пластины перестали шевелиться.

Я провёл ладонью по краям пластины, проверил каждый сектор и включил повторный тест. Жёлтая точка стала зелёной.

ГЕРМЕТИЧНОСТЬ ВОССТАНОВЛЕНА.

Теперь кровь.

Я подал воздух в отсечённую секцию. Утечки не было. Внутренний компрессионный пакет обхватил голень. Я поднял давление до отметки, где датчик ещё уверенно считывал пульс в стопе, и зафиксировал.

Автоматика предложила обезболивающее.

Не время.

Обезболивающее замедляло реакцию, а в коридоре продолжали стрелять по шкафу. Сначала нужно понять, кто там.

Я посмотрел на остаток воздуха. Перед люком было шестьдесят два процента, сейчас — тридцать один. За полторы минуты ушла половина остатка.

РЕКОМЕНДОВАНО ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Спасибо. Сам бы не догадался.

Костюм снизил рабочее давление, сохранив подачу кислорода. Утечку я закрыл, но голова от этого не прояснилась.

Во рту пересохло, появился металлический привкус. Я заставил себя сделать четыре медленных вдоха. На третьем понял: правую ногу чувствую хуже.

Я снова открыл канал пары.

— Дрозд, костюм закрыл. Ответь.

Канал остался пустым. Переключился на общий.

— Палыч. Севка. Кто слышит — дайте метку.

Ни голоса, ни служебного сигнала.

Запустил проверку связи. Микрофон работал. Внутренний контур костюма принял команду. Передатчик показывал нормальную мощность. Антенна была цела.

Приёмник перебирал рабочие частоты одну за другой и на каждой находил одно и то же: плотный однотонный шум без пауз, слов и несущей. Значит, не поломка. Кто-то заполнял весь диапазон.

На забрале появилась надпись: ВНЕШНЕЕ ПОДАВЛЕНИЕ СВЯЗИ.

Глушилка.

Оружие и глушение включились почти одновременно. Я разбудил охранный контур. Где-то за этими стенами до сих пор было питание.

Страховочная линия дрогнула у меня за спиной. Один раз, потом пауза. Затем Дрозд начал выбирать её на себя.

Линия натянулась на поворотах шахты и потянула меня к открытому участку коридора. Я сразу заблокировал карабин и дважды резко дёрнул в ответ: стоп. Натяжение пропало.

Через несколько секунд Дрозд дал один короткий рывок. В уставе такого сигнала не было. Просто рука наверху хотела убедиться, что внизу ещё есть другая. Я ответил таким же. Больше линия не двигалась.

У Севки на панели метка моего костюма должна была погаснуть вместе с телеметрией. Палыч знал, что Дрозд держит натянутую страховку и не может получить от меня ни слова. Им не требовался доклад, чтобы понять: обход нашёлся и закончился плохо.

Я ещё раз дёрнул линию. Дрозд ответил сразу. Пока она оставалась между нами, наверху хотя бы знали, что я жив.

Я осторожно поднял голову над краем шкафа. В конце коридора, под потолочной балкой, медленно поворачивался тёмный прямоугольный блок. Ствол почти не выступал из корпуса — только короткая направляющая в узкой прорези.

Между мной и нижним люком оставалось три метра открытого коридора. Турель держала весь проход.

Я опустил за шкаф и выждал. Установка не стреляла. Только понемногу доворачивалась, наводясь на край моего укрытия.

Можно было рвануть к люку. Три метра в невесомости — один толчок, после которого уже не затормозишь и не уйдёшь в сторону. Я посмотрел на свежую вмятину у рамы.

Я снял с соседней дверцы тонкую защитную панель. Два фиксатора щёлкнули и отскочили, третий пришлось выломать. Лёгкая, шириной с плечи, толкнуть можно одной рукой.

Я выставил её из-за шкафа и толкнул к люку. Турель дёрнулась вслед за движением.

Она выстрелила, прежде чем панель пересекла половину коридора. Лист сложило посередине и закрутило. В центре осталось отверстие размером с палец.

До люка я бы не долетел.

Я отключил магнит на правом ботинке, отстегнул грудной карабин, оттолкнулся левой ногой и поплыл в противоположную сторону — от шахты, глубже в коридор. Правая нога безвольно двигалась следом. Толчок получился сильнее, чем нужно, и гасить его пришлось обеими руками о край шкафа. При каждом движении компрессионный пакет давил на рану.

За вторым шкафом нашлась поперечная стойка. Я ухватился за неё и втянул себя в нишу.

Установка успела развернуться. Выстрел пришёлся в стену там, где секунду назад был мой ранец. Силовой лист прогнулся, но выдержал.

До шахты теперь оставалось пять метров, зато между мной и турелью встали два шкафа и сервисный блок. Она выстрелила снова. В ту же точку. Потом ещё раз, туда же.

Коридор за спиной вёл в помещение с рабочими столами. На столешницах остались зажимы, пустые кассеты и мелкий инструмент.

Я подплыл к ближайшему столу и только тогда заметил движение справа.

Под потолком открылась плоская ниша. Из неё выехал корпус размером с инструментальный ящик. Четыре короткие опоры раскрылись, зацепились за настенную направляющую, и машина рывками двинулась вдоль коридора. Передняя часть повернулась ко мне.

Дрон.

Он был меньше турели и гораздо ближе. Я оттолкнулся от стола. Дрон развернулся за мной, внутри головки мелькнуло тусклое красное кольцо.

Успел прикрыть живот локтем. Что-то ударило чуть выше пояса. Короткий цилиндр отскочил от панциря и закувыркался к потолку. На броне осталась круглая царапина.

Я всё ещё провожал взглядом цилиндр. Спихватился и нырнул за опрокинутый стол.

Дрон повернулся следом. Красное кольцо погасло, вспыхнуло снова. Выстрел.

Край стола исчез. Столешница раскололась пополам, зажимы и кассеты разлетелись по помещению, приборный блок на дальней стене лопнул, выбросив облако металлической крошки. Несколько осколков щёлкнули по забралу.

Я прижался шлемом к полу. Первый выстрел лишь оцарапал панцирь. Второй разнёс стол. Почему так — я не знал и ждать третьего не собирался. За тонкими шкафами здесь не отсидишься — нужен путь к питанию.

Дрон дёрнулся вдоль направляющей и выстрелил куда-то в сторону двери. Кусок косяка ушёл под потолок. Потом машина застыла, кольцо в голове погасло.

Я упёрся плечом в переборку и швырнул обломок столешницы в дрона. Обломок сбил машину с направляющей. Дрон перевернулся, зацепился опорой за жгут проводов и повис на стене. Надолго ли — проверять некогда.

В коридоре за спиной опять полыхнуло. Я обернулся. Турель продолжала бить по стене, за которой я прятался раньше. В проходе расходились куски панелей, клочья изоляции, стружка. Установка меня потеряла, но стрелять не перестала. Возвращаться через этот коридор было рано.

За помещением начиналась узкая сервисная галерея. По стене тянулись три закрытых короба. Средний заметно теплее остальных. Под крышкой температура то росла, то падала. Там могла быть работающая линия. Другого следа не было.

Я втиснулся в галерею. Страховка натянулась: на поворотах шахты ушла вся слабина. Потянул дважды, выждал. Сверху пришёл короткий ответ.

Дрозд держал меня. Дальше с линией не пройду, а без неё он не поймёт, где искать. Я закрепил конец на скобе у входа в галерею и только потом снял карабин со спинной петли. Пальцы не сразу отпустили защёлку.

Воздух — двадцать восемь процентов. Пульс — сто сорок. Компрессия держалась, утечки не было.

Ждать следующего выстрела я не стал. Отстреливаться нечем.

Под крышкой среднего короба проходили три силовые линии. У ближайшего ответвления нашёлся разъём. Попробовал аварийное размыкание — вороток не сдвинулся.

Пришлось закрепиться двумя карабинами и достать резак. Резать под нагрузкой запрещалось. Снять её я не мог.

Заряд — сорок один процент. На оставшиеся резы должно хватить.

Позади опять полыхнуло. Секунд через двадцать — снова. Установка продолжала стрелять по пустому месту через равные промежутки.

Отодвинулся в сторону, вытянул руку, открыл дугу у первой шины. Металл побелел, потёк. Капли расплава разлетелись вдоль прохода. Через перчатку передавалась мелкая вибрация короба.

Шина разошлась. Вспышка на несколько секунд выбелила забрало. Когда изображение прояснилось, я оглядел коридор. Двадцать секунд прошло, потом ещё двадцать. Турель больше не била.

Я двигался вдоль коробов на руках. Правый ботинок цеплялся за поручни, приходилось подтягивать ногу и заново выравнивать тело. Боль притупилась. Плохой знак — нога немела.

За поворотом галерея кончилась. Фонарь упёрся в силовую раму. В ней стояли баки: четыре внизу, два над ними. Серые бока, на каждом — старая маркировка Т-11. Горловины закрыты отсечными задвижками, пломбы на задвижках целые.

Я подтянулся к ближнему и провёл по нему датчиком. Полный. По соседнему — полный. Проверять остальные было некогда, но задвижки на всех шести стояли в одном положении. Палыч говорил про отсечку. Вот она.

Скоба под ладонью дрожала. Дрожь шла от кожуха у дальней стены. Генератор. Пятьсот лет здесь что-то работало и работало до сих пор.

От кожуха к стене уходил распределительный узел. На второй шине сохранилась маркировка линии связи. Я поднёс резак, включил дугу.

Когда шина разошлась, монотонный шум в наушниках дрогнул и распался. На мгновение сквозь него прорвался голос:

— ...чаев...

— Палыч, я нашёл баки. Все полные...

В ответ раздался только шум.

На силовом мосту сохранилась схема аварийного отключения. Я проследил линию от генератора к контактору. Рукоять ручного сброса была отломана у основания, дотянуться до механизма через кожух не получалось. Оставалась управляющая шина.

Я сверил маркировку ещё раз. Если схема не врал, её обрыв должен был разомкнуть контактор.

Заряд — двадцать шесть процентов.

ПЕРЕГРЕВ ИНСТРУМЕНТА.

ОХЛАЖДЕНИЕ: 90 СЕКУНД.

Девяносто секунд. Щедро.

Выпустил резак, и он отошёл на длину стропы, поворачиваясь соплом вверх. Пока резак остывал, осмотрел мост. Потом потянул инструмент к себе и перехватил рукоять, едва корпус ткнулся в грудь.

Шина у силового моста оказалась толще предыдущих. Приложил сопло к краю и начал рез. Металл побелел, из прорези брызнули раскалённые капли.

Когда края разошлись, за кожухом тяжело сработал контактор. Толчок прошёл по скобе в руку.

Генератор перестал вибрировать. В отсеке остался только свет моего фонаря. В наушниках щёлкнуло.

ПОДКЛЮЧЕНИЕ К КАНАЛУ СВЯЗИ.

Все заговорили разом.

— Нечаев! — Палыч вышел на общий канал. — Доложи состояние и местоположение.

— Телеметрия вернулась, — сообщил Севка. — Давление низкое. Пульс сто пятьдесят восемь. Кислород двадцать три.

— Орт, линию нашёл! Ты где? — позвал Дрозд.

— Дрозд, стой у скобы, — приказал Палыч. — Пусть сначала ответит. Нечаев, доклад!

Я отпустил резак, и тот повис на стропе. Тут меня и догнало: несколько секунд я продолжал цепляться за скобу, хотя держаться уже незачем. Правая нога почти онемела, перед глазами плавали тёмные пятна от недавней вспышки.

Прижавшись ранцем к кожуху генератора, я собрался с силами.

— Слышу вас, — прохрипел я.

— Не отключайся! — велел Палыч. — Где ты?

— За галереей, у генератора. Мимо столов и налево. Я обесточил...

Мой доклад оборвал скрежет. Сначала показалось, что где-то за спиной режут металл. Будто железо тянут по железу, медленно, с нажимом, снимая слой за слоем.

Затем звук стал выше и перешёл в крик. В этом крике не было голоса.

Визг мешался с частым сухим стуком, словно кто-то бил по натянутой мембране. Удары следовали один за другим — слишком быстро, чтобы их различить, и слишком размеренно для случайности.

Это была речь. Откуда взялась такая уверенность, я объяснить не мог.

Резко обернулся вправо. Там — только баки.

Звук шёл отовсюду — справа, сверху, сзади, изнутри шлема, из самой головы.

Вокруг — вакуум. Здесь нечему нести звук от стены к стене. Даже работающий генератор я ощущал ладонью.

— ...чаев, ответь... — Голос Палыча пробивался через наушники. Отдельный, под скрежетом.

— Орт, держись! Я уже... — Дрозд говорил одновременно, и его слова не смешивались с металлическим визгом.

На помеху в канале это не походило: голоса шли отдельно, шум отдельно.

Я попытался сказать, что слышу что-то ещё, открыл рот — и на фразу не хватило дыхания.

Шум нарастал. Стук приблизился, будто теперь били по самой оболочке шлема. В крике начали повторяться одни и те же сочетания звуков, всякий раз меняя длину и высоту.

Я поднял руку к панели связи и промахнулся.

Палыч продолжал отдавать приказы. Севка называл цифры. Дрозд уже спорил с обоими.

Шум оставался прежним. Тише становилось всё остальное.

По краям забрала потемнело. Генератор, рама с баками и белая полоса перерезанной шины сжались в узкий круг. Круг поплыл вверх.

Я успел подумать, что Дрозду придётся идти за мной без страховки.

Пальцы на скобе разжались по одному.

Потом всё погасло.

Глава 2. Вне строя

Марцелл Тарвиц в третий раз перелистывал список кандидатов, но так и не решился поставить подпись. У каждой фамилии имелась чья-то рекомендация. За двумя первыми стояли люди брата. За третьей — влиятельное семейство, которому отец уже отдал подряд на ремонт конвоев.

Из-за стойки у окна донёлся голос отца:

— Слетай в систему. Посмотри сам, что там с находкой. Хочу услышать твоё мнение. И определись уже с академией. Брат каждый день спрашивает, кого выбрали, а я всё отвечаю, что этим занимаешься ты. Сколько можно? Просто выбери достойного.

Марцелл провёл большим пальцем по костяшкам другой руки. Все трое кандидатов соответствовали требованиям академии. Любой его выбор к вечеру станет известен — и сразу будет понятно, кто договорился о месте, а кто просто подписал бумаги.

Отбросив рекомендации в сторону, он запросил маршрут до закрытого сектора. Времени на личную проверку ещё хватало.

— Подготовить борт, — распорядился он. — Пришлите полный отчёт по находке со всеми приложениями.

* * *

Я очнулся оттого, что кто-то приподнял мне веко.

Свет резанул по глазу. Я дёрнулся, упёрся затылком в подушку и услышал:

— О, проснулся.

Вера Гришина убрала фонарь. Белый круг ещё несколько секунд плавал перед глазами, пока не проступил лазарет «Кряжа»: пустые койки, шкаф с запломбированными ящиками, ремни под потолком.

Вес удерживал меня на койке, но я всё равно проверил ремень и только потом отпустил.

Правая нога лежала на подставке. От колена до щиколотки — повязка. Ступня на месте, пальцы шевелились.

— Сколько я провалялся?

— Сутки. Точнее — двадцать шесть часов. Большую часть этого времени ты проспал после лечения.

Она направила свет в другой глаз.

— Голова кружится?

— Нет.

— Тошнит? Двоится?

— Нет.

— Тогда слушай. — Гришина подтянула табурет, положила планшет на колени. — Ранение правой голени. Снаряд прошёл по касательной, задел мягкие ткани и вышел через ту же пробоину костюма. Кость и крупные сосуды целы. Компрессионный пакет сработал.

Я приподнялся на локтях, стараясь разглядеть край повязки.

— При разгерметизации получил кислородное голодание. Потом кровопотеря. Отсюда обморок. В костюме нашли следы перегретого покрытия. Лёгкие раздражены, но опасных показателей нет.

— Последствия?

— Пока не вижу. Проверки повторим. Осмотр не закончен.

Перед отключкой я слышал скрежет, безголосый крик, частый стук по натянутой мембране. Звуки шли отдельно от голосов Палыча, Севки и Дрозда, доносились отовсюду разом — там, где звук распространяться не может.

Гришина дождалась, пока я повернусь к ней.

— Понял?

— Да.

— На записи костюма что-то необычное было? — спросил я.

— Кроме попадания, утечки и огня?

Я кивнул.

— Ничего необъяснимого. А ты что помнишь?

Скрежет я мог воспроизвести, но не мог объяснить, почему принял его за речь. Стоило об этом сказать — проверок бы прибавилось, а сроки их никто не назвал бы.

— Последний рез. Потом голоса в канале.

Гришина отметила что-то в планшете.

— Полежи пока. Вставить разрешу позже.

Я потянулся к своему планшету на тумбе. Гришина передвинула его ближе, прежде чем я успел приподняться.

Она проверила датчики и вышла. Дверь не успела закрыться, как в проём шагнул Дрозд.

— Живой? — Он задержался у порога, разглядывая меня.

— Док говорит — да.

— Она и про меня так говорит. Третий год колено барахлит.

Он поставил кружку на тумбу, опёрся о шкаф.

— Что снаружи творилось? — спросил я.

— Связь пропала. Палыч быстро подключился к кораблю по проводу. Я держал страховку.

— Помню, ты трос дёргал.

— Значит, ту часть помнишь. — Дрозд присел на свободную койку. — Ты отвечал. Потом трос ослаб. Я выбрал ещё — упёрся. Дёргаю, а там пусто.

От тяги кружка заскользила по тумбе. Он поймал её машинально.

— Связь вернулась на миг. Один слог. Потом опять пропала. Когда снова появилась, я уже спускался.

— Палыч разрешил?

— До поворота. Дальше ждал ответа.

Он протянул мне кружку. Я сделал несколько глотков — горло саднило.

— Внизу дошёл до конца троса. Ты хорошо закрепился. Сначала подумал — тебя зажало за углом.

— Длины не хватило.

— Теперь ясно. — Дрозд потёр ладонь, которой держал трос.

Дрозд забрал кружку, хотя я не допил.

— С генератором ты успел. Нашёл тебя без сознания. В шахте дважды застряли, пришлось снимать ранец и подавать шлангом. Палыч принимал наверху.

— Я...

— Не объясняй. Видел, что там творилось.

Он снова подал кружку, не отпуская, пока я не взял крепко. Я допил и вернул её.

— Что с баками?

Дрозд поставил кружку.

— Все шесть баков полные, Т-11, пломбы целы. Около двадцати тонн, если после откачки ничего не изменилось.

Я машинально пересчитал в уме. Тонна тэшки — четыре миллиона крон. Двадцать тонн — восемьдесят миллионов. При моей зарплате в сорок тысяч в месяц, из которых откладывать удавалось десять, это было немыслимо: две тысячи месяцев работы без единого расхода.

— Таких объёмов в системе ещё не находили, — заметил Дрозд. — Обычно за хороший рейс увозили несколько тонн со всего хребта, а тут почти двадцать в одной раме.

— Баки ведь можно было поднять потом, — сказал я.

— Палыч так и решил — тебя первым.

— Севка запись турели пилотам передал. — Дрозд покрутил пустую кружку в руках. — Через час на камбузе уже спорили, сколько в тебя попало. Ходовая версия — семь.

— Два, — поправил я. — Одно в ногу, одно в панцирь от дрона. Остальное по стенам.

— Значит, я зря ставил на пять. Ладно, спишу на лечение.

Палыч появился позже, когда освещение перевели на дежурное. Остановился у койки, садиться не стал.

— Порядок действий помнишь?

Я начал докладывать: нагрев, шахта, турель, шины, генератор. Запнулся на нижнем люке и начал заново. Палыч не прерывал.

— Резать питание догадался. Костюм закрыл. После попадания всё правильно сделал.

Я придержал одеяло на колене. До главного Палыч ещё не дошёл.

— А до него?

— Нагрев был.

— Был. Ты доложил. Дальше разрешил я. — Палыч посмотрел на повязку. — Следующая группа на живой линии сначала поставит проводную связь. Уже внёс в порядок работ.

— Если бы я не предложил шахту...

— Я услышал предложение и дал команду. Не забирай моё, Нечаев!

На прощание он лишь коснулся спинки койки. Я так и не понял, приходил он меня похвалить или убедиться, что я всё помню.

За смену лазарет навестили люди, с которыми до этого я обменивался только рабочими фразами. Механик из откачной смены поднял большой палец и ушёл, не найдя слов.

Визиты продолжались до конца «корабельного дня» и даже после, когда заступила новая смена.

Когда дверь закрылась за последним посетителем, мысли вернулись к восьмидесяти миллионам.

Простой дом на хорошей планете стоил около двенадцати миллионов. Тот, в котором я вырос, был дешевле, но после потери работы отцу пришлось продать его, чтобы расплатиться с долгами. Я почти не помнил саму продажу, только пустые комнаты и мать, аккуратно заворачивающую посуду в бумагу. С тех пор родители жили на станции, и я отправлял им часть каждой зарплаты.

На моём счету лежало чуть больше полумиллиона — финансовая подушка. Эти деньги я не считал своими: год жизни при списании по здоровью и помощь родителям в случае нужды.

Иногда я мечтал о доме на столичной планете, где работу не нужно искать по системам, а закрытие одного предприятия не парализует весь посёлок. Цены там начинались с миллиардов.

Двенадцать миллионов при моих десяти тысячах в месяц — сто лет. Эту цифру я считал чаще всего. Компания получила отличный рейс, я — зарплату и штопаную ногу.

* * *

— Орт, я тебе ничего не урезаю.

Костя Сомов, которого на «Кряже» звали Кассой, развернул экран ко мне. Формулировку я и так знал — в последней строке значилось: «в строю на дату закрытия квартала».

— Зарплата за отработанные смены придёт полностью. Лечение оплатит компания, обратный проезд тоже. Но квартальную премию я назначить не могу.

Я сидел напротив, вытянув ногу в проход. До расчётного отсека дошёл сам и теперь жалел, что не взял костыль. Гордость обошла в двенадцать минут вместо четырёх.

— На объекте я был в строю. Норму мы закрыли с перевыполнением. Выбыл я при исполнении.

— Да, всё так. — Сомов смотрел прямо, не прячась за экраном. От этого спорить было труднее.

— Тогда в чём проблема?

— В дате. — Он указал на последнюю строку. — К последнему дню ты должен быть в строю. Это условие премии. Врач отстранил тебя от рейса, в документах ты числишься выбывшим по ранению. Формально квартал ты не доработал.

— До конца квартала четыре дня.

— Знаю.

— Находку мы сделали в этом квартале.

Сомов отодвинул экран. Теперь между нами не было и таблицы.

— Орт, не я это решаю!

— Кто-то считает, что я не доработал?

— Я не считаю. — Он шумно выдохнул и откинулся на спинку. — Палыч не считает. Капитан, думаю, тоже. Но в ведомости нет графы «мнение капитана». Есть дата и статус. Если я поставлю премию вручную — её отменят при первой проверке, а объясняться придётся мне.

Подставлять вместо себя Костю я не хотел. Но от того, что он не виноват, строка правильной не становилась.

— Можно оформить исключение?

— Возможно, если его утвердят сверху. На «Кряже» такого права ни у кого нет.

Я переставил ногу. Костыль всё-таки надо было взять.

— Отправь запрос.

— Ответ придёт после закрытия ведомости. Скорее всего, напишут, что условия известны заранее.

— Пусть напишут. Приложи номер выхода и медицинский акт. Не просто просьбу о премии.

— Копию тебе скину. — Костя открыл новую форму.

Костя набрал «по состоянию здоровья», помедлил и заменил на «ранение во время выхода».

— Спасибо, — сказал я, прочитав исправленную строку.

— Надбавка за находку — отдельная история. Если дом её одобрит, придёт позже.

— Ладно. На сколько меня спишут?

— Я не знаю, это не ко мне.

Он не стал обещать того, что от него не зависело.

Я взял номер обращения и пошёл дальше. Премии могли вернуть позже. Открытый стаж за дни на станции не вернёт никто.

Гришина могла вернуть меня в строй, проверив, как нога держит нагрузку. Но сначала должна была затянуться рана. Её слово действовало, только пока я оставался на «Кряже». Через четыре дня меня собирались отправить на станцию. Там решать будут другие, а поисковая группа продолжит работу — без меня.

Палыч мог включить меня в состав группы, но не имел права выпустить без медицинского разрешения. Он предложил оформить меня на верхние работы. Для зарплаты это подходило, но для стажа не давало ничего.

Я снова зашёл к Гришиной и спросил, нельзя ли пройти проверку раньше и решить вопрос уже в эту вахту. Она вывела на экран снимок и повернула его ко мне.

— Вот здесь края ещё расходятся под нагрузкой, — сказала она. — Выпущу сейчас, рана откроется — потеряешь больше!

Я посмотрел на снимок. У меня была просьба, у неё — участок незажившей мышцы. Спорить с этим было нечем.

Потом снова к Палычу. Он выслушал до конца и подвинул ко мне пустой планшет.

— Если найдёшь способ начислять открытый стаж внутри носителя — подпишу первым.
— Не найду.

— Тогда лежи. — Он забрал планшет и убрал его под мышку. — Знаешь, на твоём месте я бы тоже ходил. Но легче от этого никому не станет, и тебе в том числе.

Капитан Ремезов выслушал меня, не отрываясь от сменного плана.

— План я перекрою, «Двойку» у борта оставлю, место без нагрузки найду. Могу даже сам подтвердить, что ты в шлюз не полезешь. А решение врача отменить не могу. Не моя подпись.

Запрос включили в ближайший исходящий пакет вместе с отчётом по находке, медицинскими данными и ведомостью рейса. Живой связи между системами не было. К тому времени, когда ответ мог вернуться, квартал уже был бы закрыт, а я — списан на станцию.

Список людей, к которым я мог обратиться, оказался коротким. За полтора дня я обошёл всех. У каждого нашлась причина отказать, и каждый отправлял меня дальше.

* * *

Надежда кончилась, и я решил, что хотя бы выплусь. Не дали. За переборкой начали перемещать тяжёлое оборудование.

Сначала дважды прогнали подъёмник. Потом загремели тележки, кто-то потребовал убрать шланги с главного прохода, и сразу трое объяснили ему, почему шланги лежат правильно.

Док разведсудов находился через два отсека от лазарета. На участке с баками откачку закончили, смены убирали насосы и шланги. Для обычной разгрузки суеты было слишком много.

Я прислушался.

— Платформу сюда. Нет, сюда — значит к подъёмнику.

— Она там проход перекроет.

— А если тревога?

— За тревогу мы не отвечаем, это к офицеру палубы.

За дверью лазарета прошли несколько человек. Шли в ногу, у входа не задержались. Потом кто-то проверил внутреннюю трансляцию, и под потолком зашипел динамик.

— Экипажу на местах построиться в доке разведсудов через двадцать минут. Форма рабочая, чистая. Старшим смен проверить списки.

Динамик щёлкнул и затих.

Я подождал продолжения. Его не было. «На местах». Значит, меня это не касалось: моё место сейчас — койка.

На тумбе лежал планшет. В служебных сообщениях — схема построения и время сбора. Персонального вызова не было.

Я открыл список.

Первым в нашей группе стоял Палыч. Ниже — Дрозд, Севка и остальные. Моего имени не было. В конце отдельным блоком значились дежурные, которых оставляли по постам.

Лазарета в списке тоже не было.

Дверь открылась. Дрозд вошёл уже в чистой робе и остановился, увидев планшет у меня в руках.

— Ты чего не собираешься?

— Меня нет в списке.

— Ты к представителю пойдёшь? — Дрозд освободил проход, словно я уже согласился.
— Или правда будешь лежать и через переборку слушать?

— Иди уже. Палыч ругаться будет.

Дрозд ещё секунду стоял в проходе.

— Костыль возьми!

— Я не собираюсь.

— Тогда пусть здесь стоит.

Он достал складной костыль из-за шкафа, разложил и поставил у койки. Ушёл.

Список составляли по текущему строю. Я числился в лазарете. Тот, кто сводил фамилии, взял действующие смены, добавил дежурных и отправил капитану. Всё было сделано правильно. Просто строка с моим именем находилась в другой ведомости.

Та же строка стоила мне премии в расчётной таблице.

Я открыл запрос Кости. Статус оставался прежним: принят к отправке.

Через несколько минут динамик включился снова. Голос был чужой и слишком чистый для старых корабельных громкоговорителей.

— Экипаж носителя «Кряж». Дом Тарвиц приветствует вас в закрытой системе. Представительский борт прибыл для проверки отчёта по находке и осмотра груза. Дом благодарит экипаж за работу, выполненную в срок и без потерь.

Пауза вышла такой, какая бывает в тексте, написанном заранее.

— Отдельно дом отмечает значение находки для планов текущего года.

Потерь действительно не было. Я в них не попадал.

Моего присутствия для всего этого не требовалось.

Я посмотрел на имя представителя в объявлении. Он сейчас был в двух отсеках от меня. Следующий человек, который мог решить вопрос, получит наш пакет через несколько суток.

Я спустил ноги с койки. Пол под правой ступнёй оказался дальше, чем я рассчитывал. Ногу прострелило до колена. Я посидел, пока боль не стихла до уровня, на котором с ней можно договориться.

До дока разведсудов — две переборки, лестница на один пролёт, двадцать семь метров коридора.

Гришина разрешала вставать только по необходимости. О таком случае мы не договаривались.

Ремезов мог решить, что человек, самовольно покинувший лазарет и прервавший церемонию перед представителем дома, больше не нужен на его корабле. Тогда спор о рейсе заканчивался вместе с работой. Но мысль уже завелась, и выкинуть её не получалось.

Я подтянул ботинки к койке. Сначала одежда. Нижняя рубаша. Штаны — через больную ногу, потом через здоровую. В рабочий ботинок ступня вошла, когда я ослабил верхние фиксаторы.

Роба. Планшет с номером обращения — во внутренний карман. Медицинский браслет я сначала повернул меткой внутрь, потом вернул как был. Костыль стоял у койки. Я взял его.

До двери, направо, лестница. У платформы нужно встать так, чтобы меня слышали. Дальше — одна фраза. Оставалось её придумать.

«Прошу пересмотреть медицинское решение» не подходило: человек с представительского борта медициной не занимался.

«Прошу выплатить премию» — тем более. По деньгам запрос уже подан, и, если бы речь шла только о них, я мог дожидаться ответа лёжа.

Мне нужна была работа. Часы открытого стажа.

Я повторил про себя:

«Прошу оставить меня в команде».

Поднялся. У двери пришлось остановиться и переждать слабость. Потом я вышел в коридор.

Людей не было. Всех, кого можно было снять с постов, увели в док. Освещение перевели на полный режим, проходы освободили от кабелей и ящиков. Из-за закрытой переборки впереди доносился голос.

До лестницы дошёл нормально. Подъём дался труднее. Перенёс вес на руки, поднялся, выпрямился и только после этого открыл следующую дверь.

В доке стоял весь свободный экипаж «Кряжа».

Людей выстроили в четыре ряда перед грузовым подъёмником. Сам подъёмник подняли на полметра и использовали как платформу. Ограждение сняли, по краям остались гнёзда стоек и жёлтые полосы грузовой разметки.

Позади платформы — шесть баков. Их уже сняли с объекта, очистили снаружи и закрепили в транспортных рамах. На серых корпусах шла старая маркировка Т-11. Новые пломбы и контрольные датчики выглядели рядом с ней почти игрушечными.

Говорил капитан Ремезов:

— ...Марцелл Тарвиц, от главной семьи дома. Прибыл лично, чтобы передать благодарность экипажу.

Имя прошло по доку без реакции. Люди и так знали, кто перед ними. Я знал его только по строке в объявлении.

Человек на платформе держался так, как держатся те, кому никогда не приходилось работать в наклон: спина прямая, плечи развёрнуты, вес равномерно распределён на обе ноги.

Ткань его одежды под рабочим светом оставалась матовой, и пыль, которой в доке хватало на всех, к ней не липла.

Я остановился у двери.

Ремезов отступил к краю платформы, к двум людям с представительского борта. На воротниках обоих виднелась тонкая синяя окантовка. Жёлтую я видел лишь раз в жизни, в порту, когда наш носитель три часа продержали на дальнем маяке, пока чужой борт не отошёл от причала.

Марцелл Тарвиц повернулся к строю.

Говорил он кратко, без планшета и пустых обещаний о том, как находка изменит чью-то жизнь.

— Дом благодарит капитана Ремезова за организацию рейса, — произнёс он. — Отдельно — техническую смену: откачка проведена без нарушений и задержек. Отдельно — поисковую группу: объект найден в непростых условиях.

Руки я разглядел, когда он указал на баки. Ни мозолей от работы, ни мелких ожогов от инструментов, ни сорванных ногтей. На левой руке поблескивало узкое кольцо без камня, слишком свободное для этого пальца.

На паузе он машинально убрал со лба упавшую прядь тыльной стороной кисти, не сбившись с мысли.

Его взгляд скользнул по строю, словно сверяясь с невидимым списком.

— Внимательность и инициатива на каждом участке работ. Дом видит в этом не удачу, а подготовку экипажа. Дом благодарен за проделанную работу.

Меня не упомянули.

В его словах всё сходилось. Группа нашла объект. Команда подняла груз. Носитель вывезет его из закрытой системы. Для отчёта этого было достаточно.

Я мог остаться у двери. Церемония завершилась бы, списки закрыли, представительский борт отстыковался. Запрос на премию ушёл бы вместе с остальными пакетами. На станции я дождался бы новой комиссии.

За годы работы такая задержка ничего не решала. Год из таких задержек и складывался. Терять ещё один квартал я не хотел.

Я вошёл в док.

Первые ряды меня не заметили. Последний ряд развернулся почти сразу. Головы начали поворачиваться одна за другой. Марцелл уловил движение и прервался на полуслове. Теперь на меня смотрел весь док.

До платформы оставалось десять шагов. Я преодолел шесть, поставил костыль и остановился.

— Прошу оставить меня в команде.

Стало тихо. Мой голос прозвучал громче, чем я ожидал, — последние слова эхом отразились от пустых гнёзд разведсудов.

Раздражения на лице Марцелла не появилось. Он лишь перевёл взгляд на капитана.

Ремезов осмотрел меня, сделал полшага вперёд. Повернулся к Марцеллу и заговорил громче, чем требовалось в этом доке:

— Ортвин Нечаев, ходок поисковой группы. После ранения находится в лазарете. — Он замялся. — Проход нашёл он. И... находку...

Полным именем меня не называли, наверное, с медкомиссии.

— Я вас выслушаю, Нечаев, — произнёс Марцелл. — Но сейчас, с вашего позволения, закончу.

Отказа в этом не было. Согласия тоже.

— Да, спасибо.

Я остался сбоку от строя. Поднялся слишком рано? Он обещал выслушать. Я повторил это про себя и крепче сжал рукоять костыля.

Марцелл продолжил. Теперь он говорил об оформлении находки и сроках вывоза. Мне казалось — прошло минут десять, хотя на планшете значились две.

Дрозд встретился со мной глазами, посмотрел на костыль и чуть кивнул.

— Находку регистрируют за экипажем «Кряжа» и поисковой группой, — говорил Марцелл. — Документы подготовлены. Каждому участнику работ дом выдаст благодарственный лист.

Марцелл помолчал, давая стихнуть шороху в строю.

— Кроме того, — продолжил он, — полагаю правильным назначить экипажу внеочередную премию. Капитан, подготовьте список всех, кто участвовал в рейсе. Без разделения по сменам.

Ремезов на долю секунды задержал ответ.

— Будет сделано.

Марцелл перешёл к следующему пункту, будто премия стояла в плане с самого начала.

По строю прошло движение. Никто не заговорил, но люди чуть выпрямились, кто-то повернул голову к соседу. Палыч остался неподвижен, только угол рта дёрнулся.

На все его слова ушло меньше времени, чем у меня — на дорогу до расчётного отсека.

Марцелл поблагодарил экипаж ещё раз и спустился по двум ступеням. Ремезов объявил церемонию завершённой, но строй не распустил: люди ждали, пока представитель дома уйдёт первым.

Марцелл обменялся с капитаном несколькими словами и повернулся ко мне.

Вблизи он оказался немногим старше Севки: сухое лицо, длинный прямой нос, глубоко посаженные светлые глаза, которые почти не менялись, когда он улыбался.

— Нечаев?

— Да.

— Мне объяснили, — начал он, — что из-за ранения вы потеряли квартальную выплату.

— Так и есть.

— Я распоряжусь выплатить всё в полном объёме. Квартальную и отдельную надбавку за находку.

— Спасибо.

Деньги я собирался взять. Отказываться от них после всех пройденных кабинетов было бы позой, а на позы у меня не осталось сил.

— Но просил я не об этом. Допуск выдаст врач. Мне нужно, чтобы до допуска не забрали место в группе.

— Тогда пойдём. — Марцелл опустил взгляд на мой костыль. — По дороге объяснишь.

Он развернулся к выходу из дока, и я последовал за ним. Ремезов двинулся было следом, но у первой переборки Марцелл бросил, что вернётся к осмотру груза позже. Капитан остановился. Двое с представительского борта остались ждать у стены.

Дальше мы шли вдвоём. Куда — он не объяснял. Я не спрашивал.

На середине коридора пришлось остановиться. Марцелл сделал ещё два шага, обернулся и стал ждать. Я злился на свою ногу сильнее, чем в лазарете: там хотя бы никто не смотрел.

У шлюза представительского борта стоял человек в тёмной форме. Он открыл створку ещё до нашего приближения.

Я переступил порог. На «Кряже» каждый шаг отдавался в листах обшивки: по тому, как гремела палуба, можно было определить, идёт один человек или трое, тащат груз или просто спешат. Здесь пол не отзывался. Под верхним покрытием явно стояли демпферы или отдельная рама, не связанная с корпусом напрямую.

Створка за спиной закрылась с мягким щелчком. Замки вошли в гнёзда одним плавным движением, без обычной серии ударов.

Воздух ничем не пах. На корабле всегда есть свой особый запах: смазка, разогретая изоляция, фильтры, еда, сорок человек, которые неделями живут в замкнутом пространстве. Здесь воздух был прохладным и стерильным, будто его только что подали из нового баллона.

Украшений на стенах не было. Ровные панели, рабочий свет, поручни там, где до них легко дотягивалась рука. Всё выглядело простым, пока не начинал присматриваться внимательнее. Тихие приводы. Новые уплотнения. Система очистки, которая не гоняла запахи по кругу, а действительно их убирала. За один только этот коридор можно было переоборудовать половину жилого отсека «Кряжа».

— Ты откуда? — спросил Марцелл.

Он шагнул рядом, подстраиваясь под мою скорость или просто никуда не торопясь.

— С окраины. Последние годы живу на носителях.

— Учился там же?

— Работе учился на работе.

Мы миновали ещё одну дверь. Она открылась сама, считав метку на его руке.

— Пол не гремит. Он на отдельной раме?

Это был первый вопрос, который я ему задал. Сам не понял, зачем.

— Возможно. — Марцелл мельком глянул под ноги. — Никогда не интересовался.

Синяя окантовка украшала его воротничок и небольшую эмблему возле внутренней двери. Я машинально отметил эту деталь, как отмечал маркировку на баке, и снова опустил взгляд на пол.

Марцелл ещё несколько секунд смотрел на меня, но ничего не сказал.

В небольшой кают-компании стояли стол и четыре кресла, на стене висел экран. На «Кряже» в таком же объёме наверняка втиснули бы восемь мест и шкаф для аварийных рационов.

— Принесите поесть, — распорядился Марцелл, обращаясь к человеку у двери. — Что-нибудь нормальное, не сладкое. И воды.

Голоден ли я, его не интересовало. А я за эти дни почти ничего не ел. После бесконечных растворов и лекарств даже бульон казался приторным, а от каши мутило.

Вскоре перед нами появилась тарелка с мясом, хлебом, овощами и чашка густого горячего супа. От запаха мяса желудок сжался.

— Садись. — Марцелл отвёл от стола ближайшее кресло.

Я пристроил костыль возле кресла, медленно опустился и вытянул больную ногу под столом. Пальцы мелко подрагивали. Я спрятал руку под столешницу, подождал, пока дрожь уляжется, и взял ложку. Ел не спеша, стараясь не звякать ложкой о края чашки.

Марцелл расположился напротив, едва касаясь спинки кресла.

— Начнём с объекта, — произнёс он, дождавшись, пока я сделаю пару глотков воды. — Рассказывай, что там было.

Я пересказал путь до шахты, объяснил, почему пошёл один, и добрался до первого попадания.

— Нагрев заметили заранее. Почему всё-таки решили открыть?

Я замер с ложкой в руке.

— Не нашли питания. Подумали, может, от разогретой рамы тянется. Потом у люка повторилось.

— И вы полезли.

— Сначала проверили камерой. Турель стояла за шкафами.

— Здесь? — Марцелл указал на схему на экране.

— Да.

— В кратком отчёте этого нет. — Он поднял глаза от экрана.

— В полной записи всё есть, — ответил я, чувствуя, как голос становится громче. Вышло так, будто он хвалил нас за подготовку, а я теперь признавался в ошибках.

— Палыч уже изменил порядок работ, — добавил я.

Марцелл вернул схему к общему виду. Спорить о Палыче он не стал.

— Первый выстрел был слабым, второй разнёс стол, — заметил Марцелл. — В коротком отчёте написано: предупредительный.

— Сомневаюсь, — ответил я. — Скорее, заряда не хватило. Но разбираться времени не было.

— Поэтому полез к питанию?

Я отодвинул чашку, чтобы показать путь на схеме.

Объяснил, как искал питание и перерезал шины, затем указал генератор.

— Он работал всё это время, пятьсот лет? — спросил Марцелл.

— Точно не знаю, — ответил я. — Дату на корпусе не разглядел.

Экран под его пальцем погас и снова зажёгся. Суп уже не обжигал. Я съел ещё несколько ложек, пока он что-то читал.

Он вывел страницу и повернул экран ко мне.

— В отчёте написано: «оператор произвёл контролируемое отключение», — произнёс он.

— Значит, Палыч писал, — ответил я. — У него слова всегда звучат весомее.

Марцелл задержал палец на этой строчке, перечитал её и усмехнулся.

Я закончил рассказ отключением генератора и возвращением связи.

— И сразу потерял сознание? — спросил он тем же тоном, что и раньше.

Я отложил ложку.

— Кровопотеря и кислородное голодание, — ответил я. — Плюс продукты перегрева покрытия костюма. Врач всё проверила.

Слова следовали в том же порядке, в каком их произнесла док.

— Запись сохранилась? — спросил Марцелл.

— Всё, что успел записать костюм, у моего начальства.

Он смотрел на экран, а не на меня. В отсеке было прохладно, но под робой стало жарко.

— Там было что-нибудь ещё, что могло не попасть в отчёт? — спросил он.

— Нет, ничего.

Он принял это так же, как ответы про шины и турель, и выключил экран.

— А почему ты сразу не вышел к остальным? — спросил он. — Я просил собрать весь экипаж.

— Мне не сказали.

— Как не сказали?

— Списки составляли по строю. Я числился в лазарете.

Марцелл убрал руку с погасшего экрана.

— Видимо, решили за меня, что мне лучше полежать, — добавил я.

Марцелл опустил взгляд на левую руку. Кольцо сдвинулось по пальцу, он вернул его на место.

— Понятно.

— Соедините с расчётным отсеком «Кряжа». — Он коснулся панели у края стола.

Ответ пришёл через несколько секунд. Голос я узнал. Сейчас он звучал осторожнее.

— Слушаю, — отозвался Костя Сомов.

— По Ортвину Нечаеву. Квартальную выплату провести полностью. Отдельную надбавку за находку добавить к ближайшей ведомости.

Короткая пауза на том конце.

— У него статус выбывшего по ранению, — напомнил Костя.

— Я знаю.

— Тогда потребуется отдельное основание.

— Укажите моё распоряжение. Понадобится подтверждение — запрос на этот борт.

— Принято.

Марцелл отключил связь. Вопрос с выплатами решился за один звонок.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он откинулся на спинку. Даже так сидел прямо.

— Доли от находки ты не попросил.

— У ходоков нет доли.

— Это не мешает попросить.

— А вы бы дали?

Он взглянул на меня внимательнее. Я уже жалел, что спросил, но отступать было поздно.

— Я не могу раздать топливо дома, — ответил Марцелл. — Могу назначить надбавку.

— Тогда я правильно попросил.

— Место в группе.

— Пока что.

Я взял хлеб и разломил. Крошки посыпались на скатерть, на «Кряже» вместо неё была бы голая столешница.

— А дальше? — Марцелл подался к столу.

— Дом родителям купить. Свой, на планете. У них был, пришлось продать.

— Сколько до него?

— Ходок — сто лет.

— Сто лет? — переспросил он. Я положил хлеб на тарелку.

— Я считал. Поэтому и хочу уйти. Старшим группы можно стать, дальше некуда. Палыч лучше меня работает и больше знает, а у него та же койка, что у остальных.

— Хочу узнать, на что ещё гожусь, — добавил я. — Пока дают только больше той же работы.

Марцелл покрутил стакан.

— А вы? — спросил я.

— Что я?

— Вы сказали, можете назначить надбавку. Наверное, и ещё много чего. Чего вам не хватает?

Стакан остановился.

— Чтобы мой выбор считали моим.

Он усмехнулся и отпил. Я не знал, можно ли спрашивать дальше. Он спросил сам:

— И куда ты хотел уйти?

— Во Флотское училище дальней разведки. Стать разведчиком дальнего поиска.
— Почему тогда так держишься за место ходока?
— Три тысячи часов в открытом космосе для входа без денег. У меня две тысячи шесть-
сот с небольшим.

Цифру я назвал без запинки. Её я знал лучше собственного возраста.

— Поэтому ты и держишься за рейс.

— Да.

— После ранения часы пропадут?

— Набранные нет. Пропадёт время. Сначала этот рейс, потом восстановление. Если решат, что по здоровью я больше не гожусь, может пропасть вообще всё.

Марцелл отставил стакан.

— Врач говорит, нога заживёт?

— Говорит.

— Тогда отчего ты так торопишься?

Под столом ботинок давил на повязку. Я переставил ступню и почувствовал, как тепло пошло вниз, к пятке.

— Если компания спишет меня на больничный, обратно брать никто не обязан.

— В училище есть платные места? — спросил Марцелл.

— Два с половиной миллиона.

— А сколько у тебя уже есть?

Вопрос был простой. Я мог назвать сумму и объяснить, чего не хватает. Получилась бы новая просьба.

— Есть запас на год без работы. Его я на учёбу не потрачу.

— Почему?

— Родителям помогаю. Они и без меня справляются, только мне хочется, чтобы им не приходилось на всём экономить.

Марцелл помедлил с очередным вопросом.

— Сколько ты откладываешь?

— Тысяч десять в месяц. Платное место — двадцать лет, если не лезть в запас.

Он перевёл взгляд на экран. Я не стал поправлять: чуть больше двадцати.

— Почему тогда не Аларих?

Я решил, что ослышался.

— Куда?

— В Академию Алариха. Туда тоже можно попасть без денег. Если есть талант.

— Шутите?

— Нет. А что не так?

— Туда десятки тысяч человек на место. Или через связи.

У нас на «Кряже» один дважды подавал бумаги за племянника. Во второй раз тот подготавливался лучше. Не помогло.

— Домам дают квоты, — заметил Марцелл.

— Я знаю.

Про квоты он действительно знал больше меня. Я снова взял ложку.

Я доел суп. Хлеб так и остался на тарелке. Голод прошёл, и нога напомнила о себе: пальцы понемногу немели.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать два.

— Были взыскания?

— Были замечания. За сроки. Один раз за повреждённое оборудование.

Он спрашивал, не глядя на экран и ничего не записывая. Я уже не понимал, зачем ему эти сведения.

— Семья есть?

— Родители.

Жены и детей у меня не было. Родителей он уже мог и запомнить.

— Со здоровьем что-нибудь ещё, кроме ранения?

Скрежет всплыл в памяти сразу.

— Гришина проверила. По анализам всё нормально.

— Я понял, — сказал Марцелл, не вдаваясь в подробности. — Если бы нашёлся способ направить тебя учиться раньше, ты бы согласился?

— В дальнее?

— Ты ведь туда собирался.

Он говорил о том, чего я хотел, но предлагал пока непонятно что.

— Сначала посмотрел бы условия, — ответил я.

— Это разумно. Ты просил оставить тебя в команде. — Марцелл коснулся панели. — Соедините с капитаном «Кряжа».

Ремезов ответил почти сразу:

— Слушаю вас.

— Капитан, Нечаева оставьте в команде. Медицинские ограничения соблюсти. После допуска вернуть к выходам. Из состава не выводить.

Он отпустил панель. Место в группе у меня снова было.

Марцелл продолжал что-то читать. Я подвинул костыль к себе, но не встал: ждал от него следующего решения.

— Мне пора, — произнёс я. — Гришина хватится.

— Иди. — Марцелл не поднял глаз от экрана. — Врача слушай. У шлюза тебя проводят.

Я поднялся, подождал, пока нога выдержит вес, и взялся за костыль. У двери обернулся. Марцелл всё ещё сидел над экраном, большим пальцем водя по костяшкам другой руки — раз, другой.

Глава 3. Двести девяносто девять часов

Створка сдвинулась в сторону, и на забрале шлема зажёгся индикатор.

ОТКРЫТАЯ СРЕДА.

Через минуту под первой меткой появилась вторая строка.

СТАЖ — 00:01.

Две тысячи шестьсот сорок один час и одна минута.

Три дня после разговора с Марцеллом я без конца открывал личную карточку и смотрел на застывшую цифру. Гришина дважды гоняла меня на проверки: осмотр раны, нагрузку, снова осмотр. Я уже проклинал тот факт, что у неё не было других пациентов, на которых можно было отвлечься.

— В открытый сектор, — наконец произнесла она. — Без проходов и силовой работы. До пяти часов, при боли — сразу назад.

— Там мне почти не придётся двигаться.

— Поэтому и допускаю. Палычу ограничения уже отправила.

В личной карточке появилась отметка. Я прочёл её целиком, хотя главным было одно слово: «допущен».

Палыч, видимо, успел переговорить с капитаном. На первые смены нашей группе выделили лёгкие участки — там, где обшивку уже вскрыта и не нужно лезть внутрь. Тяжёлая работа досталась второму звену, а меня Палыч отправил осматривать наружные рамы. Там требовались в основном глаза.

Я не спорил. Часы шли одинаково — что на наружной раме, что в шахте.

Первая смена прошла спокойно. Я обошёл участок, посветил во все щели — ничего не нашёл.

— На сегодня хватит, — произнёс Палыч у шлюза, сверяясь с таймером.

Четыре с лишним часа всё равно пошли в стаж.

До конца работ на объекте оставалось две недели. Две недели — это восемь-девять обычных выходов, если носитель не встанет, работы не приостановят из-за фона и Палыч не решит устроить нам отсыпной. Наберётся несколько десятков часов. Не так уж много, чтобы праздновать, но цифра росла.

На второй день Ремезов заглянул в жилой отсек.

— Через мою голову больше не ходи! — начал он. — Сначала ко мне.

— Я приходил.

Ремезов задержался у пустой койки рядом, но садиться не стал.

— И запрос твой я отправил. Ответил бы дом отказом — опять пошёл бы сам?

Я не нашёл подходящего ответа.

— Скорее всего.

— Вот это и запомню, — сказал Ремезов. — Пока работаешь у меня, самовольных выходов на чужие борта не будет. Даже если там очень сочувствуют. Второй раз — спишу на станцию и обратно не возьму, будь ты хоть с тремя находками.

После его ухода я долго сидел на койке. Место мне вернули, но вести себя так, будто ничего не произошло, капитан не собирался.

Через две недели вахта всё равно закончится. Тогда и дам ноге как следует зажить.

* * *

Обратная сторона «Гребёнки» уже мало напоминала привычный объект.

Хребет здесь был вскрыт подчистую. Обшивку сорвало вместе с набором, от переборок остались рваные лохмотья, палубы смяло одна в другую. В некоторых местах корпус разошёлся

по швам, где-то его вывернуло взрывом. Замкнутых объёмов почти не осталось, а те, что уцелели, стояли распахнутыми настежь.

Для моей ноги место подходило идеально — нагрузки минимальные. А вот для поиска — так себе. Если тэшка тут и сохранилась, искать её приходилось в отдельных уцелевших узлах, разбросанных на сотни метров друг от друга. Ходить было негде: магнитные ботинки держались только на случайных кусках металла, между которыми зияли провалы. Вся работа свелась к бесконечным перелётам.

На этом участке брали дополнительные баллоны — воздух и газ для манёвровых двигателей. Их крепили к спинной раме, и в шлюзе с ними приходилось протискиваться боком. Зато после выхода можно было уходить далеко от «Двойки» и не возвращаться к судну после каждого узла.

— Ты в этой раме шире шлюза, — заметил Дрозд, пока я с трудом пробирался боком. — Ещё один баллон, и будем тебя снаружи собирать.

— Зато обратно не полечу дозаправляться.

— Полетишь. Только не за газом, а за мной.

Чем дальше мы забирались от «Двойки», тем важнее становился запас. Воздуха и газа должно было хватить не только на обратный путь, но и на помощь напарнику, если что-то пойдёт не так. Поэтому я постоянно прикидывал: сколько уже потратил, сколько понадобится до шлюза и что останется в запасе.

Дрозд закладывал такой же резерв на случай, если помощь понадобится мне. После прошлого раза этот пункт он точно не считал пустой формальностью.

На четвёртом выходе я удалился уже метров на сто шестьдесят от «Двойки», когда в канале раздался голос Палыча:

— Нечаев, как нога?

Нога в костюме висела спокойно и о себе не напоминала.

— Пока на месте.

— Хорошо. Давай в этот раз без новых дыр!

— Учту.

— Работай.

Я отпустил балку и дал короткий импульс двигателями. Рама пошла назад — сначала на сантиметры, потом на метры. Скорость тут на глаз не определишь: только по краям обломков и по цифрам на забрале.

Перелёт на двести метров занимал меньше двух минут. Главное — не разгоняться сильнее, чем нужно: короткий импульс, свободный полёт и торможение с запасом до секции. Всё, что наберёшь на разгоне, потом придётся гасить.

Я целился чуть в сторону от края секции. Если ошибусь с расчётом, лучше пройти мимо и затормозить в пустоте, чем влететь в раму.

На подходе развернулся ногами вперёд и дал тормозной импульс. Секция замедлилась, остановилась. Перчатка легла на балку, остаток движения я погасил разворотом плеча.

— Четвёртая, — доложил я в канал. — Закрепился.

— Отметил, — буркнул Севка.

Секция когда-то служила складом. Теперь от неё остались четыре силовые рамы и половина торцевой переборки. Ложементы под ёмкости пустые, хомуты откинута.

До нас здесь уже кто-то поработал.

Я провёл фонарём по оплавленным креплениям. Там, где снимали ёмкости, металл был выжжен. Когда именно здесь побывали — не разобрать. Может, в прошлом году. А может, полвека назад.

— Палыч, четвёртая пустая. Тут уже кто-то побывал.

— Давно?

— Не вчера. Точнее не скажу.

Наши или нелегалы — сейчас это уже не имело значения.

— Сфотографируй и проверь остальные секции.

— Принял.

Манёврового осталось около трети. По нашим правилам на таком остатке полагалось докладывать.

— Палыч, у меня топлива треть, воздуха больше половины.

— На дальнюю больше не уходи, — ответил Палыч. — Осмотри ближний торец, Севка подведёт «Двойку».

— У него всегда с запасом, — вставил Дрозд.

— Поэтому и подведу, пока есть запас, — отозвался Севка.

Я закрепился на торце. Дрозд тем временем заметил в стороне баковый кожух и запросил подход. Палыч разрешил только осмотр снаружи: крышки на кожухе не было.

Дальше десять минут в канале шли одни доклады. Севка передвинул «Двойку» на триста метров к нам. Дрозд сфотографировал кожух и вернулся к работе.

Первые выходы после лазарета я следил за строкой стажа почти каждую минуту. Теперь опять забывал о ней за работой. Но к разговору на чужом борту всё равно возвращался.

Марцелл спросил, согласился бы я учиться раньше. Я ответил, что посмотрел бы условия. Шла вторая неделя — ни условий, ни отказа.

Возможно, для него всё закончилось, когда капитан подтвердил распоряжение. За оставшийся вечер Марцелл мог поговорить ещё с десятком людей, и каждому что-нибудь от него было нужно. Я слышал обещание там, где он только задал вопрос.

— Нечаев, доклад! — потребовал Палыч.

— На торце, жду сближения.

Севка подвёл «Двойку» ещё ближе. Я дождался команды и оттолкнулся к шлюзу. На обратном пути прикидывал, под каким предлогом написать Марцеллу, но ничего подходящего не придумал.

* * *

Больше пяти часов за смену не выходило. Чаще меньше: Палыч сворачивал работу по своим соображениям и моего мнения не спрашивал.

Пять часов в сутки — тридцать пять в неделю, если выходить каждый день. Но каждый день не получалось: то смена короткая, то перестановка судна, то дежурство по доку. За десять дней я набрал тридцать три часа.

Всего у меня стало две тысячи шестьсот семьдесят четыре часа. До порога оставалось триста двадцать шесть.

Значит, ещё несколько рейсов. Если доберу к следующему набору, смогу подать документы по стажу и медкомиссии. Дальше экзамены, четыре года учёбы и младший офицерский чин.

С офицерского жалованья на казённом обеспечении можно откладывать тысяч восемьдесят в месяц. Около миллиона в год. Под такое жалованье дают ссуду, а значит, родителям не обязательно ждать, пока накопится вся сумма.

Год до поступления, четыре года учёбы. Потом не меньше двенадцати с половиной лет выплат, ещё без процентов. Если повысят — быстрее, но считать ещё не полученное жалованье я себе запрещал.

Этот расчёт я свёл, когда мне было девятнадцать, и с тех пор менял в нём только стаж. Иногда цены на жильё успевали вырасти раньше, чем уменьшалась первая строка.

Родители жили в двух комнатах на станции. Без окон, зато мать была довольна новым соседом: он ложился рано и не включал музыку за стеной. Об этом она сказала в последней записи раньше, чем о деньгах.

Я открыл её ещё раз. Отец сидел у стола, на краю кадра был виден знакомый ящик с инструментами. Он забрал его с планеты, когда мы продавали дом. Мне было шесть.

— Перевод получили, — говорила она. — Только ты опять лишнего прислал. У нас всё оплачено.

— Не лишнего, — сказал отец, придвигаясь к камере. — Он по расписанию отправил. Пакет позже пришёл.

— Я вижу, сколько пришло.

Она повернулась к нему. Несколько секунд они спорили — стоило ли говорить со мной об этом через запись. Потом мать придвинулась к камере.

— Ты про дом писал. Мы ведь не выбирали ещё, где жить. Ты сначала сам приезжай, а потом будем решать.

Отец попросил её подождать.

— В твоём училище когда каникулы? Узнал?

Я ещё туда не поступил, а он уже хотел знать, когда я вернусь. Никакого ответа у меня не было.

Запись кончилась. Я свернул расчёт и написал им про ближайшую стоянку. Про рану — коротко: заживает, к работе допустили. Слова «всё нормально» стёр. Отправил снимок из каюты, чтобы увидели сами.

На снимке я сидел до смешного прямо. Заметил уже после отправки.

Потом всё-таки открыл цены на дома. Окно над мойкой, маленький участок. На столичную планету этого жалования не хватит никогда. На такой дом — должно.

* * *

Костюм я снял полчаса назад и шёл ужинать, когда на планшет пришёл вызов от капитана: явиться немедленно.

Ограничений я не нарушал, в чужую работу не лез, на церемониях больше не появлялся, с людьми дома Тарвиц не общался. По дороге я всё равно перебирал причины. Первая мысль — нога. Вдруг Гришина что-то нашла и решила отозвать допуск. Тогда рейс для меня кончится, а вместе с ним встанут и часы.

У двери я уже отвечал на вопросы, которых мне никто не задавал.

Ремезов сидел за столом. Перед ним лежали планшет и распечатанный лист. Бумагу на корабле почти не использовали. То, что можно прочесть с экрана, печатали только в особых случаях.

— Заходи, Нечаев.

Я вошёл, дверь закрылась за спиной.

— Вызывали?

— Да. Присаживайся.

Я сел, вытянув правую ногу в проход.

Ремезов подвинул ко мне лист, но руку не убрал.

— Пришло предписание по тебе. С утренним пакетом.

— По травме?

— Нет, — ответил Ремезов, всё ещё придерживая бумагу.

— По выплате?

Капитан постучал пальцем по листу.

— Тоже нет. Сам прочти. — Ремезов убрал руку с листа.

Вверху стояла коронная печать. Ниже — номер, дата, имя и фамилия, дата рождения, личный номер. Я дошёл до середины и вернулся к первой строке.

— Меня зачисляют в Академию Алариха?

— По квоте дома Тарвиц.

Я проверил личный номер. Совпал. Дата рождения тоже. Даже старый адрес регистрации стоял верно.

— Я не подавал документы.

— Значит, их подал дом.

— За меня. — Я положил лист перед собой, расправил загнутый край.

Капитан развернул планшет ко мне: входящий номер флота, коронная печать, проверка подписи. Всё настоящее.

— А платить сколько?

— Обучение по квоте за счёт Академии и короны.

— Отдельный договор есть?

— Я прочитал весь пакет, Нечаев. С домом договора нет.

Моё имя стояло рядом со словом «Аларих». До сих пор я встречал его только в сменных ведомостях и платёжках.

— Вот дата прибытия. — Ремезов открыл на планшете вложение.

Я прочитал её дважды.

— То есть в следующий рейс меня уже не ставите?

— Пока не поставлю. В предписании — освободить тебя на учёбу и приостановить контракт.

— Но я ещё не согласился.

— Можешь отказаться. — Ремезов отложил планшет. — Только сообщи до закрытия списка, завтра к концу смены. Потом я начну искать замену.

— То есть всё-таки могу.

— Я тебя связанным в Академию не повезу.

Я забрал бумагу со стола. Отказ поместился бы в одну строку. На согласие времени требовалось больше, и его мне дали до завтра.

— Всё, иди. — Он вернулся к сменному плану.

Я уже взялся за ручку.

— Нечаев.

Я обернулся.

— Поздравляю всё-таки. — Ремезов протянул руку через стол.

* * *

В каюте я разложил всё, что пришло. Документов было три.

Первый я уже держал в руках — распоряжение флотской службы комплектования. Второй пришёл от самой Академии Алариха. Третий был служебным маршрутом.

Я начал со второго. Официальный текст занимал меньше страницы. Имперская академия Алариха уведомляла гражданина Ортвина Нечаева о зачислении кадетом начального этапа подготовки на основании квоты дворянского дома Тарвиц. Вступительные испытания не требовались. Требовалось подтвердить прибытие и пройти медицинский контроль на месте.

Я открыл приложения. Ясности не прибавилось. Согласие на обработку данных. Список необходимых документов. Ограничения по багажу. Памятка о форме. Медицинские требования, правила перевозки. Ещё один файл я закрыл на третьей странице: зачем мне порядок доступа кадета к внутренней сети.

С собой — документ, выписку из медкарты и смену белья. В жилую часть запрещалось проносить личное оружие, личный инструмент, личные средства связи, спиртное и лекарства без назначения врача.

Личный инструмент.

У меня в шкафу лежал набор, который я собирал четыре года, по одному предмету с каждого рейса. Половину такого на «Кряже» ни у кого не было: я подгонял инструмент под

свою руку и затачивал под свои задачи. Кому его оставить, я придумал за десять секунд. За весь вечер это была единственная мысль, в которой я не сомневался.

Потом я искал упоминание о стоимости обучения. Строки о долге в приложениях не нашлось. Я проверил пункты об оплате, возмещении и обязательствах. После выпуска — служба по назначению, условия общие для кадетов. Отдельных выплат дому или права дома распоряжаться мной документы не предусматривали.

Родителей придётся предупредить: пока учусь, переводов не обещаю. Они справятся и без них. Мать ещё в последней записи повторяла, что у них всё оплачено, но писать ей об этом пока не хотелось.

Я знал цену вещам, за которые можно заплатить. Два с половиной миллиона за дальнейшее училище — огромные деньги, но понятные: их можно разделить на месяцы и посчитать, сколько лет уйдёт на выплату. Здесь цены не было вообще.

Третий документ оказался проще. Служба перечисляла точки сбора: тринадцать систем и станций, откуда доставляли поступивших, с датами и номерами рейсов.

Я нашёл свой регион и провёл пальцем по строке.

Одна из точек была в двух прыжках от нас. Я там бывал: полтора года назад мы простояли девять суток, ждали замену насосной группы, и я обошёл станцию от дока до жилого яруса. Рейсовый борт ходит туда раз в десять дней. Если текущий заход закроют вовремя, успеваю без спешки, и ещё останутся резервные сутки.

Стоп.

Бумага у меня пару часов. Я в неё до сих пор не верю — и уже прикидываю дорогу.

Я закрыл список. В поле «направление подготовки» стояла общая программа первого этапа. Специализацию определяют позже. Даже её я сейчас не выбирал.

Планшет остался лежать на койке экраном вверх. Больше писем не было. Ни объяснений, ни подписи, ни пары слов о том, откуда это вообще взялось.

Первым в голову пришёл Марцелл. Больше никому.

Он сам называл Аларих, сказал про квоты, спросил про учёбу. Условия я обещал посмотреть — вот они лежали передо мной. Только получалось, что смотреть их мне предложили уже после зачисления.

Я открыл карточку соединения с его бортом. Обратного контакта не осталось. В справочнике нашёлся общий адрес канцелярии дома.

Первую фразу я переписал четыре раза. Благодарность выходила так, будто я уже согласен. Вопрос — так, будто меня незаслуженно обидели.

В конце оставил номер предписания и написал: «Прошу уточнить, какие обязательства перед домом возникают при принятии места». Добавил: «Для Марцелла Тарвица».

Пакет уйдёт только с ближайшей эстафетой. До закрытия списка ответа не будет.

Отправив, я ещё раз открыл приложения Академии и дочитал памятку о форме.

* * *

На следующий день я снова работал снаружи.

Мы стояли у длинной разорванной фермы. «Двойка» осталась метрах в двухстах за спиной, видна была только её метка. Свой участок я закончил: обошёл, снял то, что просили. Оставалось отцепить линию и вернуться.

Я разжал перчатки и посмотрел в провал между секциями.

За ним ничего не было.

Просто пустота. Свет уходил в неё и ни во что не упирался. За рамами начиналась темнота, до которой не доставал ни один наш фонарь. Звёзд с той стороны тоже не было — их закрывал корпус. Отключи разметку — и не поймёшь, где верх и где объект.

Палыч вызвал меня по каналу. Я услышал. Ответить собирался через секунду. Потом он вызвал второй раз.

— Ортвин.

Это был Дрозд. Полным именем в рабочем канале он меня звал редко.

— На связи.

— Ты где?

— Здесь. Связь барахлила.

— Сворачиваемся, — сказал Палыч. — Мы уже идём к судну. Уснул ты там, что ли?

Я перевёл взгляд на правую шкалу. Тридцать процентов, полоса остатка ещё держалась зелёной. По худшему раскладу на возврат хватало двадцати двух. Запас был. Ещё несколько минут — и полоса пожелтеет.

— Принял. Иду.

— Давайте домой, — отозвался Севка.

Канал затих. Я отцепил линию.

Накануне я проверил всё, что успел. Подписи подлинные, номера совпали с реестром. Запрос в дом принят к отправке. В Академию можно задать вопросы о службе, питании и форме. Почему выбрали меня, там не объяснят.

У дома одна квота. До меня её, вероятно, собирались отдать кому-то другому. Марцелл выбрал меня — и даже не написал об этом лично.

Условия были общими. Право потребовать благодарности ни в одной бумаге не значилось. Но я уже видел, как трудно задать простой вопрос человеку, от которого зависишь.

Счётчик в углу показывал две тысячи шестьсот восемьдесят семь часов. До конца захода наберу ещё часов пятнадцать, если Палыч даст.

Дальше счёт остановится.

Я набирал этот стаж четыре года. Выходы, закрытые системы, холодные шлюзы, пустые секции. Считал по минутам, спорил из-за него со всеми, лез в док на глазах у всего корабля.

Этот рейс станет последним, если я сегодня отправлю согласие.

Я мог отказаться. Капитан даст место в следующем рейсе, потом будут ещё рейсы. Знакомые люди, знакомые риски, право поступить в дальнейшем. Этот путь я выбрал сам и знал его цену.

В Аларихе придётся начать почти с нуля. Могло оказаться, что за пределами костюма и старых переборок я мало на что гожусь. Проверить это хотелось сильнее, чем я себе признавался.

— Нечаев, остаток? — спросил Палыч.

— Тридцать. — Я вывел шкалу. — Возвращаюсь.

До следующего сигнала я ждать не стал. Развернулся к огню «Двойки» и дал импульс.

После ужина я отправил согласие Академии, а копию — капитану. Строка «отказаться» оставалась доступной, пока шла передача. Я дождался отметки о приёме пакета к отправке.

* * *

Вывоз затянулся, и до возвращения на станцию я успел ещё на шесть коротких выходов. Потом стаж закрыли, контракт приостановили, снаряжение принял Дрозд.

Рейсовый борт, которым я должен был улететь, опаздывал на два часа.

Я сидел у обзорного окна докового сектора, поставив сумку на пол между ботинок. Сумка была одна, и её пришлось купить перед отъездом. До этого всё моё имущество помещалось в корабельный шкаф и сетку под койкой. Скафандр, ранец и остальное принадлежали компании и остались на «Кряже». Ящик с инструментом достался Дрозду. Без рабочих вещей багажа почти не осталось.

«Кряж» стоял через две фермы, подключённый к станции топливной и грузовой линиями. С такого расстояния пятна и латки сливались, оставались только тяжёлый обвод корпуса и россыпь огней у доков. Корабль выглядел почти прилично.

Четвёртый год я возвращался сюда из рейса в рейс. Дольше я нигде не жил с тех пор, как мы съехали.

Даже не сам «Кряж». Станция. Коридор от дока до жилого яруса, дешёвая столовая на третьем ярусе, прачечная, автомат с кофе у грузового лифта. Я знал, в каком шлюзе заедает внутренняя створка и какому технику нельзя приносить ранец за пять минут до конца смены.

ОТКРЫТЫЙ СТАЖ — 2701:07.

НАЧИСЛЕНИЕ ЗАКРЫТО.

До порога оставалось двести девяносто восемь часов пятьдесят три минуты. Двести девяносто девять, если округлить вверх. Я столько раз называл себе это число, что оно уже не требовало точности.

Я смотрел на эту строку дольше, чем на сумму последней выплаты. После числа стояла сегодняшняя дата.

Провожали меня накануне всем экипажем — теми, кто не стоял на вахте. Набралось человек тридцать.

Палыч сказал короткий тост, в котором дважды назвал меня «наш» и один раз «этот».

— Столовую их сфотографируй, — попросил Дрозд. — Хочу знать, чего лишился.

— Пилотам тамошним передай, — велел Севка. — Садиться на две лапы можно. И это не геройство, это работа.

Ремезов подошёл последним и пожал руку.

— Не позорься там.

Слово он выбрал точно.

Дрозд поймал меня уже в коридоре. Ящик с моим инструментом держал под мышкой.

— Это насовсем? — Дрозд приподнял ящик.

— Тебе нужнее.

— Я не про ящик.

Я посмотрел на закрытую дверь жилого отсека.

— Не знаю.

— Тогда я на место твои вещи не раскидаю. Но в ящике порядок наведу. Там у тебя пять переходников, которые уже ни к чему не подходят.

— К одиннадцатой серии подходят.

— Вот и будешь нас консультировать.

Дрозд приоткрыл крышку, провёл пальцем по ряду переходников и снова защёлкнул замок. Ничего переставлять не стал.

Он переставил ящик в другую руку.

— И ещё. Если там начнут учить работать в открытом космосе — пусть учат. Не обязательно в первый день объяснять им, что они неправы.

— Буду молчать.

— Ты же сам рассказал, что в канцелярию написал.

Я открыл рот, но Дрозд не дал ответить.

— Нормальный вопрос ты задал, — сказал Дрозд. — Только не перепутай: разобраться в условиях и найти повод не ехать — две разные работы.

На прощание Дрозд стиснул моё плечо. До посадки провожать не пошёл.

Я ещё представлял, как вернусь сюда через месяц, найду Дрозда в доке и скажу, что не справился. Он откроет мой ящик, Палыч пойдёт к кадровикам. Потом освободится место, и часы снова пойдут.

Хорошо было знать этих людей. Хуже — рассчитывать на возвращение, ещё никуда не уехав.

За стеклом наконец показался рейсовик. Белый пассажирский корпус прошёл вдоль фермы, закрыл половину «Кряжа», развернулся и потянулся к стыковочному кольцу. На табло сменился номер — мой.

До посадки оставалось десять минут.

В стекле отражалась табличка докового сектора: МТО-311/04-107. Ни у станции, ни у сектора своего имени не было. Я знал здесь каждую дверь, но в маршруте это место занимало одну строку.

Я закрыл карточку. В служебном маршруте дальше шли ещё две станции, пересадка и пункт сбора — тоже номера. А после них стояло одно слово.

Аларих.

Его знали на «Кряже» и на этой станции. Знали на окраинных планетах и на столичных.

Что я буду там делать, я не представлял.

Объявили посадку. Я поднял сумку.

У трапа всё-таки обернулся. «Кряж» стоял на месте. Через месяц он уйдёт в рейс без меня.

Я поднялся на борт.

* * *

— ...остальное может подождать до утра.

Мужчина у окна взял со стола бутылку и переставил ближе к себе.

Комната была большой, но почти пустой: два глубоких кресла у низкого стола, ещё несколько — вдоль дальней стены. Узкие панели под потолком оставляли углы в полумраке. За высоким окном далеко внизу лежала россыпь огней.

Мужчина был статным, уже немолодым, с прямой спиной и удивительно белой бородой, подстриженной настолько ровно, будто её край вымеряли каждое утро. Такие же белые нити проступали на висках.

Он расстегнул манжету и подвернул рукав. Ткань была почти чёрной, с холодным графитовым отливом. По самому краю манжеты проходила тонкая тёмно-красная линия. При движении она на мгновение показалась на сгибе рукава и снова почти исчезла.

Мужчина налил себе немного из бутылки, отставил её и продолжил:

— Там был парень. Тот самый, который всё это нашёл.

Второй сидел напротив, откинувшись в кресле. Он был заметно моложе: худое лицо, короткие тёмные волосы, спокойный внимательный взгляд. Куртка того же глубокого графитового цвета сидела точно по фигуре.

— Ты думаешь?..

— Ничего я не думаю, — перебил мужчина с белой бородой. Он поднял стакан и сделал небольшой глоток. — Но за ним стоит присмотреть. Мало ли что.

— Хорошо, — ответил молодой. — Дам указание.

Белобородый отпил ещё и задержал стакан у губ.

— И ещё. За него Тарвиц отдали свою квоту в Аларих.

Молодой оторвался от спинки кресла.

— Хм.

— Думаешь, они о чём-то договорились?

— Пока не знаю.

Белобородый поставил стакан на стол.

— Узнай.

— Разумеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.